

ЮЛИЯ ШИЛОВА

ЛЮБОВНИЦА НА ДВОИХ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО СЧАСТЬЯ

Юлия Витальевна Шилова

Любовница на двоих, или История одного счастья

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141740

Любовница на двоих, или История одного счастья: Эксмо; Москва;

2008

ISBN 978-5-699-26343-1

Аннотация

Главная героиня романа Ольга была на грани чудовищной ошибки – она хотела продать своего будущего ребенка американцам за десять тысяч долларов. Но проснувшиеся на последнем месяце материнские чувства заставляют ее одуматься. Чтобы спасти себя и своего малыша, она совершает отчаянные поступки и всеми силами борется за жизнь.

Погони, похищения, интриги и разочарования разворачиваются на фоне страстной и непростой любви.

Ранее (в 2002 году) это произведение выходило под названием «Любовница на двоих».

Содержание

ОТ АВТОРА	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	68
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Юлия Шилова

Любовница на двоих, или История одного счастья

ОТ АВТОРА

Посвящаю эту книгу всем тем, кому холодно и одиноко, кто не утруждает себя бесполезной критикой и поиском стилистических ошибок, потому что я никогда не претендовала на роль великого литератора нашего времени, я всего-навсего женщина, порою сильная и упрямая, а временами неимоверно слабая и до неприличия беззащитная... Я готова протянуть руку помощи любому, кто уже оступился или еще стоит на краю пропасти... я посвящаю эту книгу тебе... мой дорогой и любимый читатель, потому что я чувствую тебя, представляю твои глаза и в который раз переживаю все, что переживаешь ты, читая страницы моего нового романа...

Глава 1

Признаться честно, я и сама не знаю, куда лечу. Просто не знаю и все. Знаю только одно – мне нужны деньги. Пройдет совсем немного времени, и я окажусь в Штатах. Выйду из самолета и глубоко вдохну такой сумасшедший и такой опьяняющий воздух свободы. Именно свободы. С самого раннего детства нам внушали, что Штаты – самая свободная и самая необычная страна.

Вжавшись в кресло, я провела рукой по довольно большому животу, скрытому объемистым драповым пальто. В нашем салоне не сняла верхнюю одежду только я. Молоденькая стюардесса вежливо предложила мне раздеться, но по причинам, которые были известны только мне одной, я отказалась. Хотя и было довольно жарко, никто из пассажиров не должен догадаться, что я беременна. Ни в посольстве, ни на таможне ничего не заметили... Биологическая мать! Господи, разве я когда-нибудь могла подумать, что могу ею стать. Официально, согласно документам, я представляю довольно крупную фирму и лечу в Штаты, чтобы заключить договора. Впереди Нью-Йорк, город мечты и юношеских грез. Но я почему-то чувствую лишь неприятное волнение и тяжесть, буквально разрывающую грудь. Все осталось далеко позади. Родители, жених, который сбежал от меня сразу, как только узнал, что я забеременела, и мой sereneкий, маленький про-

винциальный городок, из которого люди бежали просто потому, что не могли прокормить даже самих себя.

Чтобы скрыть слезы, я уткнула лицо в газету. Господи, опять он шевелится! Он начал шевелиться пару месяцев назад, и это приводило меня в ужас, вызывало отвращение. Это очень скверно, я понимаю, но не могу избавиться от дурных мыслей. Материнский инстинкт – что это такое? Возможно, его испытывают те, кого любят, холят, носят на руках, ждут желанное потомство. Биологическая мать думает лишь о том, как бы поскорее все кончилось, как бы поскорее получить гонорар... Конечно, я могла последовать примеру большинства своих подруг и пополнить армию матерей-одиночек. Но что я могу дать крохе, которого ношу в своем чреве? Ничего. Ничего, кроме постоянного безденежья, полнейшего отсутствия перспективы и изнуряющей борьбы за выживание в наше тяжелое время.

Все эти страшные месяцы беременности я молила Бога только об одном – чтобы все поскорее закончилось и забылось как страшный сон. Мне совершенно наплевать, на кого будет похож ребенок, какого он пола, а уж тем более – кем он станет, чего добьется в жизни. Только бы побыстрее от него избавиться, только бы побыстрее... В конце концов, это дело его приемных заграничных родителей – вырастить, дать образование и материальную стабильность, окружить заботой, теплом и вниманием. Там, за бугром, у них для этого есть все возможности.

Ребенок снова зашевелился, и я украдкой посмотрела на бабульку, сидящую по соседству. То, что она американка, было ясно с первого взгляда: ухоженные волосы, очки в золотой оправе, ультрамодная кофточка. Скорее всего, приехала в Россию навестить своих родственников. Для американцев это не проблема, с их-то пенсией. Она улыбается с самого начала полета, улыбается всем: бортпроводницам, пассажирам, проходившим мимо, и... даже, наверное, воздуху. Я вспомнила наших бабулек. На их лицах только усталость и страх перед завтрашним днем... Они не то чтобы самолет, место в общем вагоне поезда не могут себе позволить.

Отвернувшись к окну, я мысленно пыталась уговорить ребенка перестать бить меня своими ножками, ведь мне это было так неприятно! Ну ничего, осталось совсем немного. Только бы не испортилась фигура. Только бы не испортилась! Скоро я получу свои денежки. Интересно, как я их потрачу?! Глупый вопрос! Глупее просто не бывает. Нормальный здравомыслящий человек всегда найдет применение своим деньгам, сумеет потратить их так, чтобы получить максимум удовлетворения. А я всегда была нормальной и здравомыслящей, не считая того момента, когда «залетела» от своего так называемого жениха.

Как только самолет приземлился, ребенок словно почувствовал это, перестал толкать меня изнутри. Спустившись по трапу, я наконец с облегчением вздохнула.

Все позади. Дом, родители, непутевый жених, который

смог зачать ребенка только в одной известной ему позиции, да и то в каком-то пьяном угаре. Впереди неизвестность. Самая настоящая, непредсказуемая... Если у меня родится девочка, она обязательно будет леди, потому что в этой стране не бывает баб, а если родится мальчик, он будет самым настоящим мистером, а не русским мужиком, который от жуткой нищеты, отчаявшись найти хоть какую-нибудь работу, околачивается у пивного ларька. Граждане, гражданки и товарищи остались там, в полуразвалившейся, страдающей России.

Встав в очередь, чтобы пройти таможенный контроль, я почувствовала волнение и стала поправлять натянутую на самые глаза огромную шляпу. Ничего. Это последнее испытание. Надеюсь, последнее. Когда до служащего, проверяющего документы, осталось совсем немного, меня слегка затрясло, машинально сунула в рот таблетку валидола и только потом вспомнила, что не должна была этого делать без разрешения врача. Это оговорено в контракте, который я подписала, решив продать своего ребенка. Ничего... Я должна думать о себе, а ребенок – ничегошеньки с ним не будет. Тут такая медицина... Могут поднять даже мертвого. Не зря все наши звезды едут оперироваться и лечиться за границу, хотя бьют себя в грудь и во все горло орут, что наша медицина уже достигла самых передовых рубежей.

Если этот гребаный таможенник догадается, что я беременна, мне крышка. Впрочем, моя беременность может

вполне сойти за полноту. Толстая я, и все тут! Люблю поесть! Побольше и повкуснее. Побольше – это точно, а вот насчет того, что вкусно... Денег у меня на вкусную еду нет, да и никогда не было. Ошиваюсь на оптовых рынках, стою в очередях, а покупаю несколько граммов, вызывая раздражение и ненависть продавщиц. В дорогие магазины я ходить не могу: смотришь на красочные упаковки, ловишь ароматные запахи и чувствуешь себя самым настоящим изгоем, а если еще мимо пройдет какая-нибудь респектабельная пара, везущая огромную тележку, доверху набитую всякими деликатесами, так вообще пропадает всякое желание жить. Хочется прямо в магазине на себя руки наложить. Это же сколько денег получить нужно, чтобы настолько тележки заполнять...

Наконец подошла моя очередь. Я изобразила подобие улыбки и посмотрела на таможенного служащего воинственным взглядом. Пусть только попробует придраться... Я без боя не сдамся! Для меня обратной дороги нет.

Служащий взял мой паспорт и, развернув его на страничке с фотографией, пристально посмотрел мне в лицо. Было бы намного хуже, если бы его заинтересовал мой живот.

– Вы говорите по-английски? – спросил таможенник.

Я залилась алой краской и проямлила:

– Ноу.

Он разочарованно покачал головой и, поставив в моем паспорте штамп, протянул мне документ. Не веря, что все преграды уже позади, что все получилось, я лихо смахнула

пот со лба и, резко остановившись, на радостях отбила четку. Чопорные американцы смотрели на меня с нескрываемым удивлением и что-то бормотали себе под нос. Потанцевав минуту, я посмотрела на окружившую меня публику и громко крикнула:

– Привет, Америка! Русские приехали, встречай как положено!

Глава 2

Увидев табличку с фамилией «Иванова», я подошла к высокому молодому человеку внушительных габаритов и, разведя руками, произнесла:

– Иванова – это я. Собственной персоной, так сказать.

– Ты что, и в самом деле Иванова?

– Ну да... Могу паспорт показать.

– Я не таможня, чтобы ты мне паспорта показывала, – сплюнул прямо на пол детина. – Ты ж вроде беременная...

– Не вроде, а беременная. Что, не похоже?

– Просто располневшая русская баба, которая начинает свое утро с манной каши и пышной булочки...

– Это ты зря. У нас крупы нынче подорожали... А к манной каше еще масло сливочное нужно, а мои родители уже давно на маргарин перешли.

– А ты, значит, сюда приехала затем, чтобы в дальнейшем маргарином не злоупотреблять?

– И не только маргарином... Но и китайской обувью, которая разваливается прямо на глазах.

– Тогда какого черта ты чечетку отплясываешь и внимание привлекаешь?!

– От радости. Я вот смотрю, ты мой соотечественник, а ведешь себя спокойно. Прямо по-американски. Полнейшее отсутствие эмоций на лице. Американизировался.

Молодой человек ухмыльнулся и вновь сплюнул на пол:

– А что я, по-твоему, до потолка прыгать должен, что ли?!

– Нет, конечно. Просто ты здесь прижился. Освоился, так сказать. А я, может, в первый раз за границу увидела.

Я мечтательно улыбнулась. Дитина же, наоборот, оскалился и посерьезнел.

– Ладно, хватит базарить... Ты, это... Контракт подписала?

– Подписала...

– В контракте было сказано, что ты имеешь право чечетку отбивать?!

– Нет.

– Так вот и я про то же. Там сказано, что ты должна вести спокойный образ жизни. Побольше спать, жрать овощи, учиться правильно дышать и не делать никаких резких движений. Ты же, дура, ребенка под сердцем носишь. Тем более не своего. И должна ты его выносить как положено. Если родится какой-нибудь приплюснутый урод, не увидишь денег как своих ушей. Той семье, для которой ты вынашиваешь дитя, нужен только здоровый ребенок. Понимаешь? Здоровый!

– Понимаю, чего тут непонятного, – кивнула я.

– Ну вот и хорошо. Считай это предупреждением. Уяснила?!

– Да.

От этого разговора мое настроение испортилось, а весь

былой энтузиазм куда-то улетучился. Мы сели в какой-то автомобиль, марку которого я не знала: для меня иностранные автомобили все равно что летающие тарелки. Я могу отличить разве что седьмую модель «Жигулей» от восьмой:

Детина завел мотор и окинул меня заинтересованным взглядом.

– Иванова, а как тебя зовут-то?

– Ольга.

– Точно. У меня где-то записано. Иванова Ольга Николаевна.

– А тебя?

– Лев. Я твой гид. Буду с тобой постоянно. Помогу поближе познакомиться с Америкой.

– Правда?! – Я захлопала в ладоши. – Ты покажешь мне всю Америку?!

– Ну не всю... Но кое-что ты увидишь.

– Послушай, а ты здесь давно? – с любопытством спросила я.

Лев нахмурил брови, всем своим видом показывая, что на вопросы личного плана он отвечать не собирается. Так и не дождавшись ответа, я, как замороженная, принялась рассматривать высотные здания и дорогие особняки. Америка... Шикарные иномарки, не менее шикарная автострада, море манящей рекламы и бегущие по своим делам иностранцы.

Машина остановилась у довольно красивого особняка,

выполненного в современном стиле.

– Вот это да, – выдохнула я, переведя дыхание. – Не домик, а сказка. Если не ошибаюсь, это дом родителей моего будущего ребенка..

– Это не твой ребенок, – резко перебил меня Лев.

– Как это не мой? Я же его ношу.

– Ты его уже продала.

– Пока еще нет. Как же я могу его продать, если он не родился?! Это же как в бизнесе. Товар – деньги. Деньги – товар. Все строго по Карлу Марксу.

– Тоже мне, бизнесменша хренова! Ты подписала контракт. То, что ребенка носишь ты, еще ни о чем не говорит. Уже сейчас ты не имеешь к нему никакого отношения.

– Если я не имею к нему никакого отношения, давай деньги прямо сейчас! – вспылила я.

– Ага, держи карман шире! А вдруг ты сдохнешь при родах вместе с выродком!

Я с трудом сдержалась, чтобы не отвесить мордовороту пощечину. Он это понял и постарался смягчить ситуацию.

– Ну, ладно, ладно... Надулась как мышь на крупу... Тебе расстраиваться нельзя. Выражайся впредь осторожнее – тогда никаких недоразумений не будет. А особняк никакого отношения к той американской семье не имеет. Это обычный дом для гостей.

– А мне говорили, что я буду жить прямо в американской семье, которая возьмет моего ребенка... Вернее, не моего, –

быстро поправила я себя, – а того, которого я рожу.

– Не все так просто, как ты думаешь. Нужно все обстряпать так, будто рожала сама хозяйка дома, чтобы у соседей не было никаких подозрений. Сейчас она подкладывает на живот подушку. Понимаешь?

– Понимаю.

– Тебе нужно отдохнуть с дороги. Поживешь пока тут. Условия – зашибись. Тебе такое даже не снилось.

– Не сомневаюсь.

Дом состоял из нескольких довольно просторных комнат. Я шла рядом со Львом и рассматривала таблички с номерами.

– Лев, это что, гостиница?

– Небольшой частный мотельчик. Не беспокойся, твоя комната одна из лучших. Наша фирма не жадничает.

Он распахнул дверь, и я невольно улыбнулась.

– Красиво. Даже обои розовые.

Увидев в ванной самое настоящее джакузи, я громко при- свистнула и покачала головой.

– Что, и вода горячая есть?

Лев кашлянул и покрутил пальцем у виска:

– Ты действительно дура или прикидываешься?!

– Чего ты злишься? Я же просто спросила, есть ли здесь горячая вода?

– И холодная тоже.

– Холодная везде есть, а вот с горячей вечная напряженка.

Лев смерил меня взглядом с ног до головы.

– Послушай, подруга, а ты вообще из какой деревни приехала?

– Ты все равно о такой не слышал. Это не деревня, а районный центр.

– Все с тобой ясно. Направь свои куриные мозги в нужное русло и пойми, что ты не где-нибудь, а в Штатах. Тут цивилизация. И как ты только из своей глухомани на нашу московскую фирму вышла?

– Хватит тут из себя крутого строить. Можно подумать, ты всю жизнь в Штатах прожил! У тебя рыло, как у тракториста. Сам-то, наверно, с какой-нибудь целины приехал!

Тип с грозным именем Лев покрылся красными пятнами и прошипел:

– Ты это, за базаром следи... Фильтруй его... А то я не посмотрю, что ты пузатая... Заеду по уху. – Он демонстративно закрыл дверь в ванную комнату. – Горячие ванны принимать нельзя. Это может повредить будущему ребенку. Теплый душ будет в самый раз. Сегодня отдыхай, смотри телек. Правда, по-английски ты не шпрехаешь, поэтому лучше поспи. Завтра с утра едем в клинику. Нужно обследоваться, сдать анализы.

– Ты меня здесь оставляешь? – я испуганно взглянула на своего гида.

– А я тебе нянька? Я по своим делам поехал. Вечером принесут ужин. Похаваешь и спи дальше.

– А может, ты мне немного денег оставишь?

– На какой хрен они тебе?

– Ну... В магазин сходить...

– Зачем? Я же сказал, еду тебе принесут.

– А может, мне что-нибудь из одежды купить надо?

На лице Льва появилось такое удивление, что мне и в самом деле показалось, что я сморозила глупость. Невольно попятившись, я опустила глаза и пробубнила:

– Ты так смотришь, будто я сказала о чем-то сверхъестественном.

– А как я должен на тебя смотреть, если ты говоришь такую чушь! На кой тебе сейчас шмотки, если у тебя пузо на глаза лезет?! Ты перед кем красоваться-то собралась?!

– По-твоему, беременная женщина не человек и не должна за собой следить...

– Беременная женщина должна следить за своим здоровьем, а не марафетиться. Вот получишь свои бабки после родов и хоть обвешайся шмотками. На следующей неделе дадут аванс, сможешь купить необходимое.

– А необходимое – это что?

Ничего не ответив, он захлопнул за собой дверь, а я плюнулась на диван и расплакалась. Прямо скажем, мое знакомство с Америкой началось не самым лучшим образом. Странная все-таки эта подлянка, жизнь. К одним поворачивается красивым радостным лицом, а к другим голой задницей. Кто-то выскочил замуж за нового русского, укатил в

Штаты и наслаждается жизнью, сидя у собственного бассейна с дорогой сигаретой и бокалом отменного виски. У нас, в Москве, морозы, валит противный снег, а тут тепло, комфортно. Сказка! И только вот у таких дурочек, как я, все идет кувырком и даже заграница совсем не бальзам для души.

Еще несколько месяцев назад мой провинциальный жених казался мне символом неземной любви и секса. Теперь-то я понимаю, что не было ни того, ни другого. Определенные чувства были только с моей стороны. А секс... Господи, если это вообще можно назвать сексом. Я всегда мечтала заниматься любовью на какой-нибудь красивой дубовой или кованой кровати. Под нежную, трепетную музыку и чтобы обязательно горели свечи. Но увы, не все наши желания совпадают с нашими возможностями. Все происходило довольно пошло и грубо. Удовлетворялись только желания моего партнера. Обо мне он и не думал. Я и оргазма-то даже ни разу не получала, как бы ни старалась и ни настраивала себя на нужный лад. Временами мне казалось, что это происходило от моей фригидности, и, чтобы это не бросалось в глаза, я все имитировала и орала так сильно, что перепуганные соседи стучали по батарее и материли меня последними словами.

Не знаю, сколько времени я просидела как истукан, глядя в стену и вспоминая прошлое. Отчулась я оттого, что ребенок толкнул меня своей маленькой, но довольно сильной

ножкой. Сморщившись от боли, я брезгливо посмотрела на заметно волнующийся живот и сквозь зубы произнесла:

– Хватит толкаться. Как только тебя из меня вынут, хоть обстучись об своих новых родителей. Вырастешь, скажешь мне спасибо. Если бы не я, ты бы видел Штаты только по телевизору. А я, можно сказать, тебя в люди вывела. Обеспечила достойное будущее. Приличную семью...

Не успела я договорить последнюю фразу, как открылась входная дверь и на пороге появилась пожилая женщина, везущая небольшой стеклянный столик, уставленный фруктами и различными деликатесами.

– Это что, ужин? – спросила я растерянным голосом, почувствовав зверский аппетит.

Женщина пробормотала что-то на английском языке, натянуто улыбнулась и вышла из комнаты. Взяв гроздь спелого винограда, я откусила виноградинку. Господи, и какая же я была дура, что не учила в школе английский! Мне всегда казалось, что в моей провинции он мне вовсе не нужен. Углядев аппетитную куриную ножку, я вскоре наелась. Конечно, сейчас не помешало бы выпить. Чего-нибудь крепенького и дорогого... На худой конец можно приложиться и к красному вину, сухому или крепленому. Представляю, что было бы, заикнись я об этом Льву. Он бы, наверно, закатил такой скандал, что у меня полопались бы барабанные перепонки. Я вновь уселась на диван и уже в который раз подумала о своей непутевой судьбе. Мне вспомнилось то страшное время,

когда меня бросил мой женишок. Бросил сразу, как только узнал о моей беременности... Бросил как ненужную, использованную вещь. Даже здороваться перестал. Я осталась совсем одна. Без поддержки, без материальной помощи. Врачи запретили делать аборт. Жизнь решила сыграть со мной злую шутку.

Ничего. Ничего... Я постаралась отогнать грустные мысли и взять себя в руки. Скоро все это закончится, осталось совсем немного. Говорят, рожать очень больно, но я же в нормальной цивилизованной стране, здесь сделают все необходимое, чтобы облегчить страдания.

Нервно походив по комнате, я не удержалась и вышла в коридор. В конце концов, в этом мотеле должен быть какой-нибудь бар, а у меня в кармане ни много ни мало, а пятнадцать долларов. Наверно, для кого-то это не деньги, а обыкновенная мелочовка, но для меня мелочовок просто не существует. Деньги есть деньги. На порцию виски должно хватить. Не знаю, как порция виски отразится на здоровье моего будущего ребенка, но для меня несколько глотков горячительного будет в самый раз.

Пройдя по пустынному коридору, я дошла до его конца и оказалась на улице. На мраморных ступеньках, у входа, сидела та женщина, что приносила еду, и читала тоненькую брошюрку. Я покашляла, чтобы обратить на себя внимание. Она удивленно посмотрела на меня и отложила брошюру. Я достала из кармана пятнадцать долларов.

– Простите, вы не подскажите, где тут бар? – важно спросила я.

Женщина не ответила на мой вопрос, но не сводила с меня глаз.

– Я хочу выпить... Виски... У меня есть деньги...

Помахав долларами перед ее носом, я почувствовала, что моему терпению приходит конец, но все же старалась держать себя в руках.

– Вы понимаете, о чем я говорю?! Как будет по-английски слово «виски»? По-моему, так и будет...

Она смотрела на меня все также удивленно и не произносила ни слова.

– Если я не ошибаюсь, еще совсем недавно вы не были глухонемой... Ну что ж, если в мотеле нет бара, я постараюсь найти магазин или какую-нибудь забегаловку.

Но только я начала спускаться по мраморным ступенькам, как женщина бросилась следом за мной и крепко схватила меня за руку.

– Какого черта! – Я постаралась отдернуть руку, но это оказалось непросто. Несмотря на свой возраст, малоприятная дама обладала довольно сильной хваткой. – Кто дал вам право меня останавливать?! Господи, а еще называется демократия! Да наша демократия почище вашей!

– Ноу... Вам идти ноу...

– Ну наконец-то заговорила, и даже русские слова знаешь. Отпусти руку немедленно!

– Ноу. Я позову охрана. Гид ноу контракт. У вас будет проблема...

– И все-то ты знаешь, дура американская!

Решив не наживать себе неприятностей, я развернулась на сто восемьдесят градусов и поплелась к себе. Женщина села на прежнее место.

– Прямо не гостиница, а настоящая тюрьма для трезвенников, – зло ухмыльнулась я.

Глава 3

Проворочавшись всю ночь на новом месте, я проснулась оттого, что кто-то сильно тряс меня за плечи. Лев был разъярен.

– Давай вставай, хватит валяться! Время – деньги!

– Ну что ты меня трясешь?! Поосторожнее нужно с беременными! – проворчала я.

– Ложиться спать надо вовремя!

– А я и так легла вовремя...

– А кто ходил до полуночи и искал выпивку?!

– Так уж и до полуночи!

– Если я узнаю, что ты снова алкоголь искала, будешь рожать бесплатно. Понятно?! И не наша фирма будет тебе должна, а ты нам.

– Я?!

– Да, ты!

– За что?!

– За билеты. За проживание... И вообще за то, что сюда попала.

– Но ведь мы так не договаривались.

– Мы и не договаривались, что ты будешь спиртное жрать!

– Я его не жрала. Я просто хотела выпить грамм двести виски.

Лев взял меня за подбородок и прошипел, как гадюка:

– Забудь про свою прежнюю бардачную жизнь и нормально вынашивай ребенка или я устрою тебе то, что сказал.

Уже через час мы были в клинике, где мне пришлось сдать целую кучу анализов и сделать УЗИ. Потом меня осмотрел врач, измерил и внимательно прослушал мой живот. Когда Лев говорил с врачом, я удивилась его прекрасному произношению. Возможно, он был отличником в школе, а может, и не только в школе.

Как только мы сели в машину, Лев похлопал меня по плечу своей тяжелой ладонью и состроил довольно жизнерадостную гримасу.

– Ну, красавица, порядок!

– В смысле? – не поняла я.

– В смысле того, что и с тобой, и с девкой твоей полный порядок!

– С девкой?

– Ну да, девка у тебя будет! Понимаешь, девка?!

Я почувствовала, что меня слегка затрясло, на глаза навернулись слезы.

– Не рада, что ли? Может, ты пацана хотела? Девка тоже нормально! – весело сказал он.

– А мне разницы нет, я же не себе рожаю.

– Тоже верно.

Смахнув слезинку, я постаралась выдавить улыбку.

– Девочка – это хорошо. Если бы я рожала для себя, то тоже хотела бы девочку.

Лев включил мотор и закурил.

– Еще немного, и родится новая американская леди. У тебя хоть мужик-то нормальный был?

– Ты про что?

– Ну, не урод?

– Да нет.

– Я имею в виду девка симпатичная получится или нет? Тебя вроде внешностью Бог не обидел. А вот мужика твоего не видел, не знаю.

– Да нет у меня никакого мужика, – произнесла я обреченным голосом.

– Что ж тебе ребенка ветром, что ли, надуло?

Я не стала отвечать на этот идиотский вопрос.

– Понятно, значит, мужик сбежал. Господи, и что же вы, дуры, не предохраняетесь, что ж вы, как только под кого-нибудь ляжете, все на свете забываете...

– Ты меня уму-разуму не учи. Я сюда приперлась не для того, чтобы мне мораль читали... Я, может, от безысходности все это затеяла.

– Из любой ситуации есть выход, – зло отрезал Лев. – Кстати, в нашей фирме больше ценятся мальчишки. На них спрос более высокий. Так что мое начальство будет не в особом восторге оттого, что ты вынашиваешь девчонку.

– Тогда почему ты так обрадовался, что у меня будет девочка?

Лев заметно смутился и надавил на газ. Машина понес-

лась с такой бешеной скоростью, что я вжалась в сиденье и мысленно перекрестилась...

– Ничего я не обрадовался, просто тебе сообщил.

– Нет. Все-таки ты обрадовался, – не унималась я.

– Может быть. У меня с этим связаны свои ассоциации.

– Какие?

Было ясно, что затеянный мною разговор раздражал моего гида.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– И все-таки?

Лев вновь закурил, а на его лице появилось выражение, которое привело меня в самое настоящее замешательство – беспомощность и даже грусть.

– Жена у меня девочку родила.

В его голосе прозвучали истеричные нотки.

– Ты женат?

– А почему ты спрашиваешь? Ты считаешь, что я не могу быть женатым мужчиной?

– Можешь... И сколько сейчас твоей дочке лет?

– Нисколько.

– Как это?

– Так это. Послушай, чего ты прицепилась?! Ты это... В мои дела не лезь... Ты лучше о своих думай...

– И все-таки, где твоя дочь? – совсем тихо спросила я.

– Умерла...

– ?!

– Сначала умерла жена. Дочь прожила ровно три дня и отправилась следом за матерью.

– А она в России рожала?

– В России.

– Что ж ты ее в Штаты не отвез?

– Какая хрен разница, где рожать, если по показаниям не положено. У жены было сердце никудышнее. Ей рожать было строго-настрого запрещено.

– Тогда зачем же она рожала?

– Потому что любила меня больше жизни и бредила тем, чтобы от меня родить ребенка.

– А за что она так тебя любила?

Я почувствовала, что ляпнула непростительную глупость.

– Закрой рот, дура, и не задавай мне больше вопросов! – услышала я в ответ.

Всю остальную дорогу мы ехали молча. Когда вернулись в мотель, вчерашняя моя знакомая снова сидела на ступеньках, и я «одарила» ее взглядом, полным ненависти. Женщина словно почувствовала мой взгляд, оторвалась от чтения и злобно усмехнулась. Ну просто надзирательница или стучкачка! Мне захотелось показать ей язык или соорудить какую-нибудь обидную гримасу, но я взяла себя в руки и прошла мимо твердой, уверенной походкой. Пусть знает, что я ее не боюсь. В конце концов, если мне уж очень сильно захочется выпить, я обязательно найду какую-нибудь лазейку.

Войдя к себе в комнату, я буквально остолбенела. На ди-

ване сидел незнакомый мужчина и говорил по мобильному телефону, да еще и по-русски, правда, с едва уловимым акцентом, хотя внешне был типичным респектабельным американцем. – Здравствуйте, – робко сказала я.

Американец моментально убрал мобильник и, улыбаясь, показал свои белоснежные зубы.

– Здравствуй, русская красавица Ольга. Меня зовут Ден.

Жестом он пригласил меня сесть в кресло. Усевшись поудобнее, я украдкой посмотрела на Льва, перевела взгляд на американца. И неожиданно для самой себя проговорила:

– Будешь тут красавицей с таким животом...

– Это ты зря. Беременность всегда украшала женщину.

Русские женщины – самые красивые женщины в мире. Если бы я был президентом, то обязательно устраивал бы конкурсы красоты среди беременных женщин. Ведь женщина-мать достойна не только общественного уважения, но и мужского восхищения.

– А в этом что-то есть... Конкурс на лучшее пузо! – я истерично рассмеялась.

Этот холеный зажавшийся тип издевается надо мной самым наглым образом.

Он никак не отреагировал на мою выходку, достал большую сигару и как ни в чем не бывало продолжил:

– Мне очень приятно, что вы нашли общий язык с сотрудником нашей фирмы, Львом, вашим соотечественником. В ближайшее время вы познакомитесь еще с несколькими со-

трудниками, которые окружают вас вниманием и заботой, постараются сделать все возможное, чтобы ваше пребывание в Америке было комфортным и запомнилось вам, как самое приятное событие в вашей жизни. Я очень хорошо знаю Россию и пытаюсь понять многогранную и богатую русскую душу. Я знаю, как вы настрадались на своей Родине и как ваша страна наплевательски отнеслась к вам. Поэтому лично мне, как и всем нашим сотрудникам, хочется, чтобы вы отдыхали, жили в свое удовольствие в такой сказочной стране, как Америка.

Услышав эти слова, я прониклась к американцу симпатией и немного растерянно спросила:

– Простите, а вы кто?

– Я заместитель генерального директора. Вас устраивает такая должность?

– А я-то тут при чем? Главное, чтобы эта должность устраивала вас.

– Меня она не устраивает. Как и любой американец, я карьерист и даже во сне вижу продвижение по служебной лестнице. Моя заветная мечта стать генеральным директором.

Американец по имени Ден шурил глазки и смотрел на меня заискивающим взглядом. Молчавший все это время Лев вдруг сказал – сухо и холодно:

– Мы только что вернулись из клиники. Клиентка прошла все анализы. Результат вполне положительный.

– Замечательно. Здоровье будущего ребенка – залог

успешного завершения нашей сделки. Что показало УЗИ?

– Девочка.

– Девочка?

– Я тоже немного расстроился.

– Конечно, хотелось бы мальчика, но девочка тоже неплохо. Мы не в состоянии поменять пол, да в этом и нет особой необходимости. В конце концов, еще немного, и появится новая гражданка Америки, а это немаловажное событие.

– Так, может, выпьем по пятьдесят грамм? – Я постаралась улыбнуться, но не выдержала пристального взгляда своего соотечественника и опустила глаза.

Ситуацию спас Ден. Он хитро мне подмигнул и достал откуда-то небольшую бутылку коньяка.

– По пятьдесят грамм не помешает. Но только по пятьдесят, не больше.

Вкус коньяка показался мне просто волшебным и даже каким-то магическим – приятное тепло разлилось по всему телу. Еще несколько месяцев назад пятьдесят граммов коньяка были бы мне как мёртвому припарка, но сейчас... Я опьянела и почувствовала, что у меня закружилась голова.

– Ну что, закосела?!

– Не закосела, а получила удовольствие.

– Ты это... Ты удовольствие в России получай, а здесь выполняй свои обязательства. Я как тебя увидел, сразу понял, что ты раньше водку ведрами жрала.

Может, и правда иностранцы галантнее и приветливее на-

ших мужчин, лучше относятся к женщинам. . .

– Лев, тебе не кажется, что ты слишком груб с этим очаровательным созданием? – вмешался Ден.

– Не вижу в ней никакого очарования. Ее хлебом не корми, а дай выпить.

Голубые глаза стали колючими и холодными.

– Ольга, вы должны извинить своего гида за некоторую резкость. А теперь о самом главном. Я знаю, что вы нарушили общепринятые правила поведения, это не делает вам чести. Будем считать, что произошедшее – результат вашей неосведомленности.

– Это вы о чем?

Я почувствовала раздражение и покосилась на начатую бутылку коньяка. Американец поймал мой взгляд и убрал бутылку.

– О том, что существует дисциплина, которую вы просто обязаны соблюдать. Вы живете на всем готовом, как и обговаривалось в контракте. Мы играем по честным правилам. В контракте не было ни слова о том, что мы обязаны вам предоставлять ежедневную порцию спиртного. Алкоголь очень плохо влияет на мозг и формирование органов будущего ребенка. Больше не будем возвращаться к этому вопросу. Вы должны подумать о полноценном питании. Есть побольше свежих овощей и фруктов.

– Хорошо, – кивнула я и нервно застучала пальцами по столу. – У меня тоже имеются к вам претензии.

– Говорите, постараемся все уладить. Мы должны быть предельно откровенны и идти навстречу друг другу.

– Если я не ошибаюсь, Америка считается самой свободной страной в мире...

– Вы можете в этом не сомневаться.

– А я и не сомневаюсь. Я просто не чувствую никакой свободы.

– Я вас не совсем понял. Объясните, пожалуйста, поподробнее.

Наигранная вежливость услужливого американца стала раздражать меня, и я не пыталась скрыть своего раздражения.

– А что там объяснять-то? Я вчера не смогла выйти на улицу. Вы понимаете? Элементарно выйти на улицу!

Ден перевел взгляд на Льва и повел плечами.

– Лев, ты не объяснил даме правила?

– Мне и в голову не могло прийти, что в чужой стране, не зная языка, она куда-нибудь отправится...

– Хорошо. Тогда я ей сейчас все объясню. – Американец вновь обнажил свои белоснежные зубы и продолжил: – Милая Ольга, я приношу вам свои извинения. Это просто упущение сотрудника нашей фирмы. Дело в том, что со дня вашего приезда в Штаты вам нельзя выходить на улицу и с кем-либо общаться.

– Как это? – опешила я. На моем лбу выступила испарина. – Мы так не договаривались, и в контракте этого не было.

– Эти условия обговариваются прямо на месте.

– Но почему?

– Потому что так нужно. Так лучше для нас, да и для вас тоже.

– А как же свежий воздух? Будущему ребенку необходим свежий воздух!!! – прокричала я.

– О воздухе она вспомнила, – усмехнулся Лев. – Алкоголя поменьше, тогда и с ребенком все будет нормально.

– А с тобой вообще никто не разговаривает, придурок.

Я метнула в сторону своего гида сердитый взгляд и сжала кулаки.

– Ты мне за придурка ответишь! Дура пузатая! – Лев вскочил.

Ден нервно развел руками:

– Только без грубостей, пожалуйста. Все беременные женщины раздражительны, и у каждой из них очень хрупкая психика. У Ольги – тем более! Ведь ей столько пришлось пережить. Беременным женщинам прощают все, даже агрессивность, что же касается свежего воздуха, то ваша комната оборудована дорогим кондиционером. Прекрасный чистый воздух вам обеспечен. Выходить на улицу категорически запрещено! Вы должны понять, что ваше пребывание в Штатах противозаконно, и, если вами заинтересуется местная полиция, мы вряд ли сможем вам помочь. Конечно, вы поступаете благородно. Даете будущей дочери американское гражданство, пристраиваете ее в зажиточную американскую се-

мью, которая сможет обеспечить ей счастливое детство и не менее удачное будущее. Но это не объяснишь местным властям. Ваши действия незаконны. Вы можете угодить в тюрьму. Подумайте, что может быть с вашим ребенком?! Да и что станет с вами?! Местные жители очень осмотрительны, им ничего не стоит сообщить в ближайший полицейский участок о появлении на их улице русской беременной женщины.

– Получается, что мне вообще нельзя выходить на улицу?

– Получается так. Я не боюсь повторения и поэтому сообщаю еще раз. Вам категорически запрещено выходить на улицу. Мотель состоит из шести комнат. Четыре из них пустуют, а в одной проживает ваша соотечественница, которая прилетела сюда по той же самой причине, что и вы. Пожилая американская леди, сидящая на крыльце, выполняет роль домработницы и кухарки. К ней вы можете обращаться со всеми своими проблемами и по любым вопросам.

– Как же... – не выдержав, я перебила американца и тут же почувствовала, что мое некогда хорошее настроение улетучивалось буквально с каждой секундой. – Подойдешь к ней... Она по-русски вообще не понимает.

– А вот в этом я готов с вами поспорить. Кое-какие слова она знает. Ваши предшественницы находили с ней общий язык и объяснялись вполне нормально. Поэтому стоит попробовать еще раз. И учтите, мотель находится под видеонаблюдением работников нашей фирмы и строго охраняется. Это так, для сведения.

– Это на случай побега? – съязвила я.

– Я же сказал, что это для сведения. О побеге говорить просто бессмысленно. Вам нужны деньги, а нам нужен ваш ребенок. Я думаю, что сделка выгодна обеим сторонам. Это намного приятнее и прибыльнее, чем американская тюрьма.

Американец встал и, пожав мне руку, направился к выходу.

– Приятно было с вами познакомиться. Вы очень красивая. Я просто уверен, что у вас широкая богатая душа. Я думаю, что деньги, полученные от нашей фирмы, дадут вам возможность зажить более достойной и обеспеченной жизнью.

– Спасибо, – пробубнила я.

Лев похлопал меня по плечу и произнес сквозь зубы:

– Не скучай. Я скоро появлюсь, – затем забрал бутылку коньяка и вышел вслед за Деном.

Глава 4

Вот тебе и Америка. Страна свободы и демократии. Сиджу, как идиотка, в четырех стенах и не могу никуда высунуть свой нос. Да уж, такой поворот событий я предполагала меньше всего. Разве об этом я когда-то мечтала! Вилла, бассейн, виски со льдом... Видно, мечты никогда не станут реальностью. Никогда? Странно, я в Америке всего пару дней, а на меня уже накатывает ностальгия – неприятный, щемящий приступ грусти и неподдельной тоски. Может быть, это оттого, что мне довелось увидеть только аэропорт и клинику?

Я сидела неподвижно, шевелился только ребенок, и это раздражало меня. Задолго до своей беременности я перелистывала один журнал. Если мне не изменяет память, он называется «Материнство». Так вот, я наткнулась там на статью, в которой говорилось о том, что любая женщина, носящая под сердцем ребенка, ощущает невероятную теплоту и все больше и больше зарождающуюся любовь к самому близкому и самому дорогому на свете человечку. Она настолько привыкает к его постоянному присутствию, что совершенно забывает про то, что он еще не родился, и разговаривает с ним, словно с живым. Читает ему сказки, поет колыбельные песни и говорит самые ласковые на свете слова.

Наверно, это ужасно, но ребенок, которого я ношу под

своим сердцем, никогда не слышал ни сказок, ни колыбельных и даже ни единого ласкового слова. Ничего. Да я никогда и не считала себя с ним единым целым. Никогда. Это инородное тело, которое вопреки моему желанию попало в мой организм и доставляет мне неудобства. Но не бывает худа без добра, мой будущий ребенок ассоциируется у меня с товаром, за который я смогу выручить хорошие деньги и хоть как-то поправить свое материальное положение.

Я прилегла на диван и закрыла глаза. Не знаю, сколько времени прошло, но я проснулась оттого, что громко хлопнула входная дверь. Открыв глаза, я слегка приподнялась и увидела перед собой ту самую американку-стукачку, которая постоянно сидела на крыльце и читала книгу. Стукачка дружелюбно смотрела на меня и махала рукой в сторону коридора.

– Олга, надо кушать. Иди столовая. Надо кормить будущий малыш. Голодовать не надо.

Она достала носовой платок и вытерла обильный пот со лба.

– Жарко. Очень жарко. Это вредит будущий малыш. Почему молчит кондиционер?

– Откуда я знаю, почему он молчит, – пробубнила я и откровенно зевнула.

– Нельзя, чтобы он молчал, не положена, надо работать.

– Откуда я знаю, как он включается. Они у нас в городке только в окнах новых русских висят и в каких-нибудь доро-

гих фирмах...

Стукачка покачала головой и со словами: «Ая-яй!» – пошла к окну и включила кондиционер.

Я приподнялась с дивана и стала массировать отекавшие руки.

– Вот так хорошо, – пропела стукачка и встала у входной двери. – Так очень хорошо.

– Еще бы. Кондиционер заменяет прогулку на свежем воздухе. Одним словом, тюрьма с удобствами.

По всей вероятности, стукачка не поняла моего юмора и замотала головой:

– Это не тюрьма. Тюрьма очень плохо – плохо для русской девушки...

Направившись следом за ней по еле освещенному коридору, в котором не было ни одного окна, я попала в небольшую комнатку, которая, по всей вероятности, и была столовой. За круглым столом сидела заметно скучавшая девушка и нервно теребила салфетку. Сев рядом с незнакомкой, я тихо спросила:

– Ты русская?

– Русская.

Посмотрев на сильно выпирающий живот незнакомки, я продолжала расспросы:

– Ты здесь давно?

– Два дня. Я позавчера прилетела.

– Надо же, а я вчера. Тебе тут нравится?

– Не знаю. Мне главное получить деньги – и вернуться домой. Тебя как зовут?

– Ольга, – я улыбнулась и протянула руку. Та крепко ее пожала и улыбнулась в ответ:

– А я Дина. Я из Москвы.

– А я из провинции, объявление в одной из газет встретила.

– Я тоже.

«Стукачка» тем временем принесла обед, поставила стул к стене, села напротив нас и скрестила руки на груди.

– Не надо говорить. Надо кушать. Кушать и молчать, – произнесла она строгим голосом.

Преодолевая проклятую тошноту, я засунула в рот несколько ложек супа, а потом почти шепотом спросила Дину:

– У тебя кто будет?

– Мальчик.

– Это хорошо.

– Чего хорошего? Я же не для себя рожаю.

– Это для фирмы хорошо, – пояснила я с видом настоящего знатока. – Мальчики ценятся больше. Их проще определить в семью. Для них усыновителей хоть пруд пруди. Как правило, мальчик – это продолжатель рода.

– А у тебя кто?

– Девочка.

– Так что, ее никто не усыновит?

– Говорят, что усыновят.

– А за мальчиков больше денег дают?

– Да нет. Говорят, одинаково.

Наша «стукачка» заметно изменилась в лице, побагровела и погрозила нам пальцем.

– Я же сказала, что русская девушка должна есть и молчать. Молчать! Я пожалуюсь ваша фирма.

– Одно слово – тюрьма, – пробубнила я, уткнувшись в тарелку.

Последние месяцы беременности оказались для меня самыми тяжелыми. Порой тошнило с такой чудовищной силой, что у меня даже кружилась голова. И все же мне не хотелось вставать из-за стола и уходить в свою комнату. Подперев голову руками, я украдкой посматривала на внешне невозмутимую Дину и заметила, что она нервничает не меньше моего. Просто умеет это скрывать более искусно, чем я.

Дина была довольно симпатичной девушкой. Наверняка ее материальное положение было не лучше моего, иначе бы она не решилась на такой рискованный шаг. Мы ничего не знали друг о друге, сближало только то, что мы жили одной и той же проблемой. Интересно, а сколько денег ей пообещали? Одинакова ли такса у всех, или расценки бывают разные? Москвичкам платят больше, провинциалкам меньше... Когда я подписывала контракт, то подписала и пункт о неразглашении коммерческой тайны. Наверно, Дина подписала точно такой же, и мы вряд ли сможем поговорить на

эту тему...

Как только обед закончился, я посмотрела на Дину взглядом, полным надежды, и показала головой в сторону коридора.

– Дин, пошли в мою комнату. Я уже выпалась. На улицу выходить нельзя. Ума не приложу, чем тут можно заняться. Пойдем хоть поболтаем. Как ни крути, а мы с тобой в какой-то степени близкие люди и проблемы у нас общие.

Но как всегда помешала стукачка. Сдвинув брови на переносице, она запыхтела, как паровоз, и зашипела:

– Общаться запрещено ваша фирма. Расходитесь по комнатам!!!

– Но мы хотим просто поговорить... – поддержала меня Дина.

– Ходить в гости нельзя!!!

Меня затрясло от злости. Не зря говорят, что беременные женщины раздражительны и несдержанны. Я размахнулась и ударила «стучачку» по уху. Она вытаращила глаза и потеряла дар речи.

– Ты что наделала? – произнесла перепуганная Дина и в отчаянии схватилась за голову. – Ты представляешь, что нам за это будет?!

– Ничего не будет! – завопила я, не слыша собственного голоса. – Я когда сюда ехала, меня никто не предупреждал, что я сажусь в самую настоящую тюрьму!!! Такой пунктик в этом гребаном контракте не обговаривался! Эти суки наобе-

щали мне золотые горы и клялись, что я буду классно устроена! А как я могу нормально выносить беременность, если мне даже на улицу нельзя выходить?! Да я просто одичаю и сдохну в этих четырех стенах! Они говорили, что сделают все возможное, чтобы мое пребывание в этой стране стало сказочным и запомнилось мне на всю жизнь... Вместо рая я увидела ад! Они доведут меня до того, что я рожу какую-нибудь уродину – и прощай мои денежки!

Стукачка пришла в себя, потеряла больное ухо и со словами: «Русская сука!» – заехала мне кулаком в грудь, потом еще и еще... Она была профессионально, так профессионально, что ни разу не задела мой огромный живот... Вот тебе и божий одуванчик... Безобидная старушка, читающая книжку на крылечке у входа... Да она владеет такими приемами, что никакой охраны не требуется...

Я не помню, как очутилась в своей комнате. Наверно, я просто отключилась и потеряла сознание. Тело жгло, словно по нему прошли каленым железом или веником из крапивы. С трудом подняв голову, я увидела, что лежу на диване в своей комнате. Я постаралась подняться. Странно, но на теле не было видно побоев. Только парочка небольших синяков напоминала о том, что произошло.

– Это цветочки... – услышала я до боли знакомый голос и повернула голову в сторону входной двери.

Стукачка стояла, уперев руки в бока, и курила огромную сигару.

– Ты, русская дура, больше не надо неприятность. Ты приехала сюда рожать и слушать меня. Я не люблю, когда меня не слушать... Иначе смерть.

– Иди на хрен! – крикнула я и запустила в нее диванной подушкой.

К сожалению, подушка пролетела мимо и, ударившись о стену, упала на пол. Стукачка рассмеялась, сплюнула и ушла, громко хлопнув дверью.

– Гадина! – Я не смогла удержаться и разрыдалась. – Старая американская гадина!

Я решила позвонить Льву или Дену и пожаловаться, но вдруг сообразила, что у меня нет ни единого номера телефона. Как это так? А вдруг у меня неприятности... Вдруг мне срочно понадобится помощь? Вдруг у меня начнутся преждевременные роды?! К кому я обращусь? К стукачке?! Нет уж, увольте, только не к ней. Хотя нет. Не все потеряно! У меня есть московский номер той фирмы, с которой я заключала контракт. Там сидели довольно милые люди. Приятный мужчина лет тридцати по имени Вадим и не менее приятная женщина – Рита. Я запомнила их телефон, ведь мы перезванивались каждый день. Позвоню им, они позвонят своим американским коллегам, и мы сообща разрешим эту проблему. Схватив телефонную трубку, я уже хотела было набирать номер, но телефон молчал. Ни единого звука! Я была полностью изолирована от внешнего мира.

С трудом поднявшись, я доплелась до входной двери и

толкнула ее из последних сил. К моему ужасу, дверь оказалась запертой с обратной стороны. Боже, но я же могу сдохнуть в этих стенах, и никому не будет до меня никакого дела... Несколько раз постучав кулаком, я поняла бесполезность своей затеи и отошла от двери. Дойдя до туалета, я упала на пол и сморщилась от сумасшедшей боли в животе. Как только боль поутихла, я намочила полотенце холодной водой и положила его на лоб. Мне было все равно, где я лежу – на мягком диване или на холодном кафельном полу в ванной. Мне было все равно. Хотелось только одного – чтобы эта ноющая боль в животе закончилась и маленькое существо, которое находилось в моем чреве, прекратило пинаться и доставлять мне страшные муки!

Глава 5

Сначала мне казалось, что я умерла. Возможно, не выдержало сердце или психика, а быть может, меня просто доконал мой будущий ребенок. Ведь если я его не люблю и даже испытываю к нему отвращение, то почему он должен любить и беречь меня. Понятно, почему он делает мне различные пакости и так торопится появиться на свет. У нас обоюдная неприязнь, и мы мечтаем побыстрее избавиться друг от друга.

Я открыла глаза. Значит, живая. Я с трудом приподняла голову и увидела сидящую рядом со мной перепуганную Дину.

– Ольга, ты в порядке? Ну скажи что-нибудь...

– Лучше бы я сдохла, чем возвращаться в такую жизнь, которая у меня здесь.

– Не говори глупостей. Скажи, ты в порядке?

– Ну, если это можно назвать порядком.

– Я же тебе говорила, лучше с этой бабой не связываться...

– Ты это чудище называешь бабой?! Да у нее хватка круче, чем у любого мужика...

Я попыталась подняться, но в ушах загудело, перед глазами все поплыло, и мне пришлось снова лечь на пол.

– Кафель же холодный... Ты не только себя, но и ребенка

застудишь, – услышала я голос Дины.

– Хрен с ним, с ребенком... Чтоб он сдох... Все проблемы из-за него. Если бы ты знала, как я его ненавижу!

– Не говори ерунды! Ребенок тут ни при чем.

Дина взяла меня за плечи и попыталась поднять. Я вновь открыла глаза и постаралась хоть немного ей помочь.

– Послушай, Дин, а ты как ко мне попала? Дверь была заперта.

– Она была закрыта на щеколду с той стороны. Открыла без проблем.

– А стукачка где?

– Спит. Уже час ночи.

– Господи, сколько же я была в отключке!

Только теперь я заметила, что Дина не одна.

– А это кто? – спросила я, глядя на незнакомую девушку.

– Это моя подруга Галя.

– А она как здесь оказалась?

– Влезла через окно. Ты вставай, потом будешь задавать вопросы.

Девушки взяли меня под руки и посадили на пол.

– Ну ты и тяжелая, – прохрипела Дина.

Мы устроились на мягком диване и раскупорили бутылку красного сухого вина, которую принесла Галина. Я не переставала коситься на входную дверь и прислушиваться к ночной тишине в коридоре. Мне казалось, что опасность совсем рядом. Она не дремлет, и может произойти самое худшее.

– Да не смотри ты на дверь, – успокаивала меня Дина. – Надзирательница уже давно храпит. От ее храпа стены содрогаются. Спит как убитая.

– Я думала, что она круглосуточно сидит на крыльце...

– Придумала тоже! Она входную дверь на столько замков закрыла, одуреть... В общем, пошла спать со спокойной совестью.

Дина замолчала и покосилась на мой живот.

– По животу-то хоть не била?

– Вроде бы нет. Била везде, кроме живота. Американская тварь... – Я сделала несколько глотков вина и сразу почувствовала облегчение, приятное тепло разлилось по всему телу.

– Вино ребенку не помешает. Оно и давление стабилизирует, и поможет тебе пережить то, что случилось, – с видом знатока произнесла Дина. – Я думала, она тебя убьет.

– Я тоже так думала.

Я с опаской посмотрела на незнакомую девушку и допила свой бокал.

– Да не бойся ты, – в который раз постаралась меня успокоить Дина. – Я же тебе сказала, что это Галя. Она из Москвы. Мы живем по соседству. Сейчас отмечаем нашу встречу. Галя в Штатах уже второй месяц. Она встречала меня в аэропорту так, чтобы никто не заметил, и проследила, куда меня привезут. А сегодня вечером подпилила решетку на окне в моей комнате и, наконец, мы встретились.

– Но ведь мой гид сказал, что вся территория мотеля просматривается видеокамерами, – недоумевала я.

– Да ни черта она не просматривается! Одна видеокамера – в спальне у надзирательницы. Виден только коридор, но старуха сегодня изрядно устала, поэтому именно сегодня мы с Галиной решили рискнуть.

– А как она смогла подпилить решетку?

– Элементарно. Ножовкой.

– Но ведь там нужна мужская сила...

– Дело в том, что еще совсем недавно Галина была мужчиной. – Дина тихонько засмеялась и обняла подругу за плечи. – Когда-то Галина была Геннадием. Скромным образованным пареньком.

– Это розыгрыш?

Девушка по имени Галина замотала головой, достала пачку сигарет и закурила. Она затянулась так, как затягиваются мужики.

Смачно и аппетитно, показывая тем самым, что именно мужики знают настоящий толк в сигаретах.

– Вот видишь, до сих пор не могу расстаться со старыми привычками. Я могу бросить все, что угодно, но только не курить. Врачи говорят, это очень вредно, но ничего не могу поделать, тем более когда выпью.

Вино ударило мне в голову, я ощутила то, что боль ушла, побои перестали меня беспокоить.

– Во дела. – Я еле слышно хихикнула. – Так ты, получа-

ется, раньше мужиком была?

– Была.

– Ну и на черта тебе это нужно?

– Что именно?

– В женщину превращаться?

– А почему ты женщина?

– Странный вопрос. Наверно, потому, что я ею родилась.

– Получается, что тебе повезло. А вот мне – нет. Природа ошиблась, приходится исправлять ее ошибки.

В том, что Галина не шутит, я уже не сомневалась. Она была спокойной, хотя этот разговор не мог ее не нервировать. Разлив остатки вина по рюмкам, она поставила бутылку под стол и закинула ногу на ногу. Бог мой, да ведь если присмотреться, в ней и в самом деле преобладает мужское начало! Я, конечно же, слышала о так называемых транссексуалах, но никогда не видела их.

– Галя, а та операция, которую ты делаешь, болезненна?

– А разве есть безболезненные операции? К тому же это очень опасно, и меня об этом не раз предупреждали, но по мне так уж лучше сдохнуть, чем всю оставшуюся жизнь быть мужиком. Вероятность летального исхода была велика, но меня это не пугало.

– Да ты и во дворе-то играла только с девчонками, – поддержала ее Дина. – И все твоя мать чокнутая! Мечтала родить девочку, а когда родила пацана, стала изображать из него девочку – отрастила тебе длинные волосы, заплетала

косичку. Тебя ведь даже в школе все называли то педиком, то голубым.

– Это были самые страшные времена моей жизни, – Галина снова глубоко затянулась. – Очень тяжело быть снаружи парнем, а внутри самой настоящей девушкой. Это раздвоение сводило меня с ума. Впереди маячила армия. Я жутко боялась этого, не могла представить себя в одной казарме с мужиками. Я твердо знала одно: если мне не сделают операцию по смене пола, я просто наложу на себя руки.

– Но ведь такая операция стоит огромных денег!

– Да, деньги были проблемой. Естественно, я не смогла бы заработать такие деньги за всю свою жизнь, мне пришлось подключить родителей. Мой отчим довольно известный бизнесмен, имеет свой капиталец. Сколько себя помню, он всегда ругался с моей матерью, упрекая ее тем, что она вырастила педика. Он жутко меня ненавидел, даже брезговал со мной сидеть за одним столом. Готов был сунуть любые деньги, только бы я исчезла из родительского дома, и как можно дальше. Так что денежная проблема решилась сама собой.

– Я даже не помню, когда мы виделись с тобой в Москве в последний раз. – Дина подняла бокал и чокнулась с Галиной. – Как прошли операции-то?

– Надеюсь на лучшее. Я сама плохо понимаю, как такие муки ада прошла. Самое страшное осталось в России. Все пытались сделать из меня придурочную и пожизненно засунуть в психушку. Открытым текстом говорили, что у меня

нет никаких проблем с природой, мол, у меня только одна проблема – с головой.

– Ты лежала в психушке? – опешила Дина.

– И не раз. Наверно, поэтому мы так долго не встречались в Москве, а смогли встретиться только в Штатах.

Тема разговора вызывала во мне довольно противоречивые чувства – от интереса, перемешанного с жалостью, до какой-то непонятной брезгливости. Да чего уж там! В принципе, мы все по-своему ошибки природы. Кто-то меняет пол, кто-то продает еще нерожденных детей...

– Психушка – отличная школа выживания. Из меня делали дуру, но я не поддавалась и каждый день доказывала свою решимость стать женщиной. Врачи смеялись мне прямо в лицо, а санитары, выходящие в ночную смену, закрывали меня в туалете, ставили на колени, а иные и насиловали... Я подчинялась, потому что любое неподчинение привело бы к тому, что меня накололи бы какой-нибудь мурой, накормили колесами и довели до настоящего безумия. Отбарабанив в дурдоме положенный срок, я смогла получить справку о том, что нуждаюсь в операции по смене пола. Боже мой, я как вспомню этот день, до сих пор не нахожу себе места. Я рыдала и кричала от радости. Я не могла поверить, что добилась своего. Потом я около полугода принимала женские гормоны, от которых меня страшно колбасило и ломало, как наркомана. Таким образом организм перестраивался из мужского типа в женский. У меня уменьшилось

количество волос на груди, на ногах и на лице.

– Господи, это же с ума сойти можно, – не выдержала я. – Ради чего такие чудовищные муки?

– Я бы все это не перенесла, – поддержала меня Дина.

– Чтобы понять меня, нужно побыть в моей шкуре, – сказала Галина, не переставая курить. – Перед операцией я подписала бумагу, освобождающую врачей клиники от ответственности в случае неудачного исхода. Операция-то ведь нешуточная. Перекройка половых органов, силиконовая грудь и еще целая куча различных прибабасов. В реанимации с неделю пролежала, чудом осталась жива, а когда увидела количество подключенных ко мне разных проводов и трубок, сознание потеряла. К сожалению, операция прошла неудачно, организм оказался не готов и слишком слаб. Пришлось вновь одолжить у отчима денег и лететь в Штаты.

– А теперь как? – осторожно спросила Дина.

– Теперь лучше, прошла повторная операция. Говорят, буду жить и даже заниматься любовью как женщина. – Галина засмеялась каким-то истерическим смехом, от которого никому не стало смешно.

– И будешь кончать, как женщина? – неожиданно для себя самой поинтересовалась я.

– А вот кончать я не буду никогда. Об этом меня предупредили еще перед операцией. Об оргазме мне придется забыть. Обидно, конечно, но ничего не поделаешь. Я столько всего принесла в жертву, что это мне не кажется таким уж

существенным.

– Но хоть возбуждаться-то будешь? – не унималась я.

– Не знаю. Мне еще рано думать о сексе. Еще столько швов, да и промежность постоянно болит. Поживем – узнаем.

– Вот это ты натворила! Это же какую силу воли надо иметь, – покачала головой Дина. – Я перед отъездом твоего отчима видела. Подошла, спросила, как твои дела, а он как закричит – что про этого дегенерата говорить не хочет, мол, сдохнешь, он на похороны не приедет. Правда, мама твоя молодец. Это она сказала мне, что ты сейчас в Штатах проходишь послеоперационную реабилитацию, дала твой телефон. Если бы не она, мы бы с тобой не встретились.

Признаться, я уже сама не понимала, кто же находится рядом со мной, то ли Галина, то ли Геннадий. Приятная женщина, но с явно мужскими замашками... Какая-то странная получилась встреча. Хорошенькая компания, лучше не придумаешь! И все же в данный момент меня меньше всего занимали чужие проблемы, в голове было много своих.

– Галя по крайней мере хоть как-то разрешила свою проблему, а вот что будет со мной и с Диной, совершенно непонятно, – задумчиво проговорила я.

– А что тут непонятного? – Дина пожала плечами и потерла ладони. – Выносим своих детишек и продадим их, выручив денежки.

– А как мы их выносим, если тут легче сдохнуть, чем хо-

дить беременной?!

– Просто не нужно лезть на рожон. Надо набраться терпения и дожить до положенного срока.

Неожиданно для самой себя задала ей вопрос, который занимал меня.

– Дин, а тебе сколько денег обещали?

– Но ведь эта информация не подлежит разглашению...

– Да ладно, тут все свои.

– Десять тысяч долларов.

Я облегченно вздохнула. Такая же сумма была оговорена и в моем контракте. Несмотря на казусы, с которыми мне пришлось здесь столкнуться, московская фирма работает по-честному. Получается, что для деловых людей, делающих деньги, нет разницы, с кем вступать в коммерческие отношения, из города клиент или из деревни. В сделке все равны.

– А тебе?

Дина заметно нервничала, было ясно, что ей не безразличен мой ответ.

– Столько же.

– Ровно десятка?

– Десятка.

– Значит, у них такса для всех одинаковая. Это хорошо, значит, нас не обманут.

– Ты думаешь?

– Я просто уверена.

В разговор вмешалась удивленная Галина:

– Девчонки, вы что, и вправду продаете своих детей за десятку штук?

– Правда, – почти в один голос ответили мы.

– А что вы их так мало оценили-то?

– Их не мы оценили, а фирма, – пояснила заметно покрасневшая Дина.

– А кто за них больше даст? – поддержала я свою подругу по несчастью.

– Но ведь это просто смехотворная сумма. На нее даже приличную тачку не купишь, не говоря уж о стоящей квартире.

– Для меня это нормальные деньги. Можно прилично одеться. Шубку норковую прикупить. Я девушка не гордая, мне и подержанная иномарка подойдет, – парировала Дина. – Если эти деньги с умом тратить, на жизнь хватит.

– Я не знаю, где я смогу еще такие бабки сколотить... – грустно призналась я. – Только проституцией. А в проститутки я не пойду ни за что. Ни за какие коврижки. У меня мечта в Москву перебраться. Надоело в своей убогой деревне сидеть. Говорят, в Москве, в каком-нибудь спальном районе, можно купить комнатку в коммуналке тысяч за семь долларов. Мне больше и не надо, пусть она будет совсем крохотная. Самое главное, было бы где переночевать и вещи сложить. На остальные деньги я бы приделалась, да и на жизнь тоже оставила. Затем бы куда-нибудь на работу устроилась.

– Ну, девки, вы даете! – совсем по-мужицки усмехнулась Галина. – Ну у вас и запросы! Вам от жизни самую малость нужно. Я бы за такие деньги хрен бы на что согласилась.

– Тогда дай нам больше, – рассердилась Дина.

– А на кой мне ваши дети?

– В том-то и дело, что они кроме этой фирмы никому не нужны, – Дина глубоко вдохнула и стала медленно гладить живот. – В эту фирму очень трудно попасть. Желающих много, а контракт заключают только с избранными. Сейчас все беременные чем-нибудь болеют. Время такое страшное, что каждая с патологией ходит. Если не каждая, то через одну, точно. Чтобы в нашу фирму попасть, нужно иметь отменное здоровье.

Неожиданно дверь в комнату распахнулась, и на пороге возникла стукачка. От одного ее вида бросало в дрожь и хотелось, не раздумывая, бежать прочь. Посмотрев поочередно на каждую из нас заспанными глазами, она остановила свой взгляд на пустой бутылке вина и буквально позеленела от злости.

– Вы что тут делать, русская сволочь?! Безобразие!!! Ваша фирма разорвать с вами контракт! Вы будете рожать за бесплатно, а после родов мы сдадим вас в публичный дом! Вы будете проститутка!!!

– Сама ты проститутка! – не сдержалась я. – Ты еще, падла, ответишь за то, что сегодня меня поколотила! Я просто чудом осталась жива!!! Заткнись! Ты покойник!

– Почему посторонний в мотель?! Посторонний тоже проститутка!

– Это она про меня, что ли?! – запыхтела Галина. – Меня так никогда в жизни никто не называл, не считая психиатрической лечебницы...

Но стукачка не обратила на Галины слова никакого внимания. Она смотрела на меня и, судя по всему, готовилась к бою. Я поняла, что у меня нет никаких шансов остаться в живых. Господи, да ведь это просто уму непостижимо... Увидеть Штаты и умереть... Да и от кого? От рук выжившей из ума старухи!.. Хотелось закрыть глаза и прочесть какую-нибудь молитву. Вполне возможно, что Господь просто не захотел бы ее слушать и вряд ли отпустил мне грехи. Хотя каждая может оступиться и молить о прощении. Кто я такая? Обыкновенная торгашка, которая торгует не шмотьем, не овощами, не газетами... Которая торгует тем, что не продается...

Прикусив нижнюю губу до крови, я напряглась, как струна, и, приготовившись к самому худшему, вдруг почувствовала острую, пронзительную боль в животе. Вот черт! Сейчас не самый подходящий момент для родов... К счастью, эти боли не имели ничего общего со схватками. Скорее всего, мой будущий ребенок просто почувствовал мое напряжение, перемешанное со страхом, и выразил свое недовольство.

...Все произошло быстро... Так быстро, что я и сама не смогла хоть что-то понять. Когда стукачка бросилась ко мне,

я схватила довольно тяжелый стул с железными ножками и что было силы ударила ее по голове... Издав глухой крик, ненавистная американка упала на пол и закатила глаза. Я почувствовала страшную нехватку воздуха и задышала точно умирающая рыба, выброшенная на берег. Сев прямо на пол, я обхватила руками свой огромный живот и постаралась наладить дыхание.

– Бог мой, она живая? – с трудом прохрипела я, увидев тоненькую струйку крови, стекающую из правого уха стукачки.

– Может, «Скорую»? – донесся до меня перепуганный голос Дины.

Галина взяла стукачку за руку и попыталась нащупать пульс. Я смотрела на нее взглядом, полным надежды, и не переставала повторять:

– Она живая? Живая?

Галина отпустила руку женщины, достала сигареты и закурила.

– Галя, ну что там? – медленно сползла с дивана вусмерть перепуганная Дина.

– Ничего.

– Что значит ничего?

– Вообще ничего.

– Объясни...

– А тут и объяснять нечего. Бабуля ласты откинула...

Я вновь схватилась за живот:

– Ты хочешь сказать, что только что я убила человека?

– К сожалению, это так...

– Но ведь я просто защищалась! Я всего-навсего ударила ее стулом... Я совсем не собиралась ее убивать.

– А никто в этом и не сомневается, – спокойно сказала Галина. – Убийство с целью самозащиты... Необходимо учесть и то, что она сегодня с тобой сделала. Видимо, ножка стула попала ей прямо в висок.

– Даже странно, такая здоровенная баба так быстро и легко умерла, – покачала головой Дина. – Я думала, ее можно год бить и не убить. В ней же такая силища...

Сообразив наконец, что произошло, я бессвязно забормotalа:

– А что же теперь со мной будет? Я же приехала в Штаты незаконно... Я же не смогу доказать полиции, что она меня жестоко избивала, ведь на моем теле нет никаких следов... Никаких, кроме парочки синяков. Меня посадят в тюрьму. Я знаю точно, меня посадят в тюрьму. А что же будет с моим ребенком?! Когда я смогу вернуться домой, да и смогу ли вообще?!

Я громко заревела. Дина тоже заплакала навзрыд.

Самой здравомыслящей из нас оказалась Галина. Она задушила сигарету и ударила кулаком об пол:

– Замолчите!!! Дуры! Вам вообще расстраиваться нельзя. Вы же детей носите... Сейчас посдыхаете вместе со своими детьми и все. Да заткнитесь вы, ради бога!!!

Мы переглянулись и одновременно замолчали. Эта но-

воявленная женщина с мужской психологией обладала каким-то магнетизмом, который действовал на нас успокаивающе.

– Вот так-то лучше. Главное, сохранять спокойствие. Будет спокойствие, будет и все остальное. Давайте сообща подумаем, что можно сделать в такой ситуации. Если я не ошибаюсь, вы приехали в Штаты по чужим паспортам. Короче, ваше местонахождение в этой стране незаконно?

– Незаконно, – словно прилежные школьницы, ответили мы.

– В том-то все и дело. Значит, нам ни к чему призывать общественность и докладывать полиции о том, что произошло в этой комнате...

– Это ты о чем? – насторожилась я.

– О том, что нам необходимо скрыть следы преступления, избавиться от трупа. Нет трупа, нет преступления.

– Как это?

– Молча. Закопаем эту бабу к чертовой матери и все. Из-за ее смерти никто ничего не потеряет, а девушки, которые прилетят следом за вами, будут вам только благодарны.

– А как же сотрудники фирмы?

– Какие еще сотрудники фирмы?

– Ну, гид и заместитель генерального директора. Они могут приехать прямо с утра...

– Пусть приезжают.

– Но ведь они заметят, что стукачки нет. – Мой голос за-

метно дрожал и в любую минуту мог перейти в рыдания.

– А вы тут при чем?

– Они же сразу на нас подумают...

– С чего бы это? Откуда вы должны знать, куда подевалась стукачка. Пропала и все. Вы ее последний раз видели вечером, а когда утром встали, то сразу заметили, что в мотеле никого нет. Может, у нее свои дела были какие, вы-то тут при чем?.. Пусть ваш гид ее и ищет. Да и кто может подумать на двух беременных баб?! Это же смешно, что может сделать беременная баба?! Да ничего! Она ведь даже тяжелое поднять не может.

– В самом деле. А как мы ее закопаем? Если мы попытаемся ее поднять, сразу родим.

– А вас никто и не просит ничего поднимать. Эту работу я возьму на себя, – заявила Галя.

– Я даже не знаю... Если ты это сделаешь, чем я смогу тебе отплатить? – смущенно проговорила я.

Галя слегка покраснела и махнула рукой. На минуту мне даже показалось, что она меня стесняется.

– Да брось ты... Мы же соотечественницы, обязаны друг другу помогать.

– В конце концов, мы влипли все вместе, – напомнила о себе Дина, – значит, и расхлебывать эту кашу будем тоже вместе.

Я тихонько всхлипнула. Галина поднялась с пола и нервно прошлась по комнате.

– Вы пока тут посидите, а я пойду схожу на улицу. Пройдусь, посмотрю, где нам лучше всего похоронить вашу надзирательницу. Еще лопату поискать надо.

Как только мы остались вдвоем, я посмотрела на бледную Дину и тихо спросила:

– Ты как себя чувствуешь?

– Хреново. Мне кажется, еще немного и я точно рожу. А ты?

– Точно так же. Мутит, и голова кружится. Ребенок пинается ужасно.

– Еще бы. Ведь наши дети переживают то же самое, что и мы. Только вот какие они наши, если мы их продаем? Эх, жизнь, падла. Я себя-то прокормить не могу, да и муж зарабатывает копейки.

– У тебя есть муж?! – мне показалось, что я ослышалась.

– Есть. А чего ты удивилась? У тебя его нет?

– Нет. Откуда ему взяться? Если у тебя есть муж, зачем ты продаешь своего ребенка?

– Я же тебе сказала, что он зарабатывает копейки. У меня уже есть дочь. Ей пять лет. Она просто чудо. Мы ее обожаем. А тут непредвиденная беременность. Врачи запретили делать аборт. Второго ребенка мы никак не потянем. Мы для нашей девочки делаем все, что можем. Ведь ее выучить нужно, образование дать.

– А как девочку зовут?

– Машенька. Красивая, чудная девочка. – На глазах Дины

показались слезы.

– Я, конечно, понимаю, что это не мое дело, ты меня не суди, но мужик твой дерьмо.

– Откуда тебе знать, какой у меня мужик?

– Нормальный мужик никогда бы не послал жену за границу продавать своего ребенка.

– А ты моего мужика не суди. Не суди и не судима будешь. Вот когда родишь своего ребенка, которого решишь оставить и попробуешь его вырастить, тогда узнаешь, что это такое и почему это удовольствие. Ты хоть знаешь, сколько детские вещи стоят или игрушки?! Не знаешь, так и не говори. А мужик мой, между прочим, инженер, с красным дипломом институт окончил. Только вот он, дурак, науку выбрал. В НИИ лабораторией заведует. Думал, что наука – наше будущее, что именно в нее государство будет вкладывать деньги. А кому она нужна, эта гребаная наука сейчас?! Никому. Тем более что его лаборатория с геологией связана. С полезными ископаемыми. Только времена теперь не те. Все! Ни полезные ископаемые, ни бесполезные теперь никому не нужны! Финансирование от государства на нуле, зарплаты нет... Вот и остался мой мужик не у дел. Он же не виноват, что никогда в жизни не торговал и за лотком не стоял, что привык мозгами своими шевелить, знаниями деньги зарабатывать. Кому они теперь нужны, эти мозги?! Не умеешь торговать, народ обманывать, подыхай с голоду! Осуждать всегда легко. А моя дочка морем бредит. Спать ложится, ме-

ня в щечку целует и шепчет: «Мамочка, а какое оно, море? Соленое или сладкое? Теплое или холодное? Давай возьмем папочку и все втроем туда поедem...» А что я могу ей ответить? Что мы денег даже на билеты не наберем? Вот заработаю деньги и свожу свою семью в Крым или куда-нибудь за границу. Не обязательно в дорогую страну, хотя бы в Болгарию.

Дина замолчала, смахнула слезы и продолжила:

– А ты знаешь, как страшно, когда ребенок болеет? Боже, как это страшно! Ходишь, как дурак, ищешь лекарства подешевле. А уж если сам заболеешь... Сейчас проще сдохнуть, чем болеть. И не надо моего мужика хайть. Нам эта поездка очень многого стоила. Он единственный, кто за меня переживает. Ночи не спит, ждет моего возвращения. Мы перед моим отъездом на кухне долго сидели. Узнав о моем плане, муж даже постарел как-то, осунулся. Посадил Машеньку на колени и грустно так говорит: «Динка, может, откажемся от этой авантюры. Сына родим, где-нибудь грузчиком устроюсь, а в выходные вагоны на станции разгружать. Выкрутимся». Да только я-то знаю, что не выкрутились бы. Пусть мой инженер сидит в своей лаборатории. С его здоровьем много вагонов не разгрузишь. Помрет, к чертовой матери. Вот привезу я денег домой, первым делом на базар побегу. Икры красной куплю, да и черной тоже. Дочка уже давно мечтает попробовать...»

– Извини, – тихо пробормотала я.

– Ничего. Что-то Гальки долго нет.

Не успела Дина сказать последнюю фразу, как появилась Галина.

– Ну что, девчата, сидите, как на похоронах... Правда, сейчас вы как раз на них и будете присутствовать. Встаем и дружно направляемся к двери. Конечно, помощники из вас никакие, но на шухере постоять и, скажем, поддержать морально вы сможете. Главное, не вешать нос. Сделаем все в лучшем виде.

– А где ты ее хочешь похоронить? – спросила я испуганным голосом.

– Тут рядышком. Прекрасный придорожный лесок. Думаю, ей там понравится. Живописное местечко.

Я взяла Галю за руку:

– Господи, и что бы мы без тебя делали!

Галина залилась краской и слегка сжала мою руку:

– Ты лучше скажи, что бы я без вас делала... Сидела бы в квартире, которую снимаю, жевала женские гормоны, ездила в клинику на процедуры и умирала от скуки. Можно сказать, сегодня вы устроили мне веселенькую жизнь. Я всегда рада помочь красивой девушке.

Одернула руку и в который раз почувствовала в Галине мужские повадки. Господи, и зачем ей понадобилось стать женщиной... Наверно, она была неплохим мужчиной. И чего она испугалась? Армии? Но ведь она же как-то смогла прожить столько лет и не попасть туда... Смогла. Тем более с

таким обеспеченным отцом. Если он нашел деньги на такую дорогостоящую операцию, то уж, конечно, нашел бы деньги, чтобы откупить сына от армии. Хотя, в конце концов, это не мое дело.

Когда Галина взяла надзирательницу за ноги и потащила к входной двери, у меня закружилась голова и я чуть было не потеряла сознание.

– Она тяжелая, наверное, – Дина встала и пошла следом.

– Понятное дело, нелегкая. Только на вид худощавая, а тут сто килограмм будет. Давайте сделаем так. Динка берет лопату, стоящую у входа. Только осторожно, она тяжелая. Потащишь ее волоком... Пока я буду копать, постоишь на шухере. Ольга найдет половую тряпку и стиральный порошок. Смывает все следы крови. Это нужно сделать сейчас. Мало ли, вдруг кто-нибудь решит нас навестить.

– Кто? – вусмерть перепугавшись, спросила я.

– Это я просто так сказала. На всякий случай.

Я проводила подруг перепуганным взглядом и, как только осталась одна, бросилась искать половую тряпку. Странно, но кровь была повсюду, словно тут произошло самое настоящее побоище.

Мне еще никогда в жизни не доводилось убирать кровь. Никогда. И все же я смогла это сделать. Не прошло и несколько минут, как комната приняла прежний вид. Опершись о дверной косяк, я постаралась отдышаться и перебороть нарастающее головокружение. Мне казалось, что все,

что сейчас происходит со мной, нереально. Разве я когда-нибудь могла подумать, что стану убийцей! Не знаю. Но после того как я убила стукачку, я не почувствовала ни жалости, ни сожаления. В конце концов, почему я должна жалеть того, кто не пожалел меня, того, кто поднял руку на меня, беременную?

Передохнув, я решила пойти на улицу к Дине с Галиной.

Глава 6

От потока свежего и по-летнему теплого воздуха моя голова закружилась еще больше, а перед глазами поплыли яркие размазанные круги, что ни говори, а свежий воздух есть свежий воздух, и он не сравнится ни с каким, даже с самым ультрамодным и навороченным кондиционером. Стоя на крыльце, я старалась разглядеть в темноте хоть что-нибудь, напоминающее лесок. Наконец я заметила какие-то деревья всего в нескольких шагах от освещенной трассы, преодолевая головокружение, поплелась, не раздумывая ни минуты.

– Дина, Галя, вы тут?! – выкрикнула я, добравшись до небольшой рожицы.

Ответа не было. Сердце то учащенно билось, то замирало от неприятного предчувствия. Может, я что-то напутала с лесом?! Оглядевшись по сторонам, я крикнула еще громче:

– Девчонки, вы где?! Дев-чон-ки!!!

– Ты что орешь как резаная? – донеслось откуда-то из середины леса.

– Что ору... Что ору... А вы что не отвечаете?

Я бежала на голос, падая и вставая вновь.

Наверно, я так еще никогда не бегала, даже тогда, когда не была беременной. Носиться среди деревьев с таким огромным животом... Увидев подруг, я перевела дыхание и зата-

раторила:

– Вы что не отзывались? Я уж не знала, что и думать. Несколько раз упала. Ноги разодрала до крови, да и платье все порвала.

– Да хрен с ним, с твоим платьем. Я завтра тебе новое куплю, – произнесла Галина усталым голосом и воткнула лопату в землю. Уже была вырыта довольно приличная яма. – А кричала ты зря. Могла привлечь чье-либо внимание, а нам это ни к чему.

– Извините меня, девчонки. Я просто напугалась. Темно, все чужое...

– Еще скажи, что и труп тоже чужой, – напомнила о себе сидящая прямо на земле Дина.

– Да и труп чужой. А что он мне родной, что ли? Зачем ты на землю уселась? Придатки застудишь.

– Бог с ними, с придатками. Все равно скоро рожать.

– До родов еще дожить надо.

– Доживем.

– Доживешь тут в таких условиях. Одну стучачку хлопнули, завтра новую поставят, еще хуже этой.

– Какие проблемы? Хлопните новую, – засмеялась Галя.

– Нахлопались. Меня дома муж с дочерью ждет, мне рисковать нельзя.

– А тебя кто дома ждет? – заинтересованно посмотрела на меня Галина.

– Меня никто.

– Вообще никто?

– Мама только и все.

– А из мужчин?

– Из мужчин никто.

Вопрос смутил меня. Уже в который раз мне показалось, что Галина ведет себя по отношению ко мне как-то не по-женски, и это вызывало во мне бурю противоречивых чувств. Я прекрасно понимала, что передо мною женщина, и то, что раньше она была мужчиной, не имеет для меня никакого значения. Для меня важно только то, кем она стала сейчас, и то, что я никогда не симпатизировала, а уж тем более никаким боком не относилась к сексуальным меньшинствам.

Когда Галина сбросила труп стукачки в яму, ноги мои подкосились, и я села рядом с Диной прямо на землю. К моему удивлению, земля была очень теплая. Слава богу, что у Дины оказалась такая замечательная подруга. Мне даже страшно подумать, что бы мы делали, если бы не было рядом Галины.

Пока мы следили за Галиными действиями, начало потихоньку светать. Динино лицо было серого цвета. Я прекрасно понимала, что силы уже покинули ее. Она была не в состоянии даже встать. Да и я сама была чуть жива. Я подумала, что за все эти страшные месяцы беременности я не припомню момента, когда мои глаза не были бы на мокром месте. Наверно, самое страшное ощущение в жизни – это ощущение

ние безнадежности.

Когда Галина закопала труп, уже окончательно рассвело.

– Так, девочки, дело сделано, – произнесла она, задыхаясь от усталости. – Что-то вы у меня совсем бледненькие. Сейчас идете по своим комнатам и ложитесь спать. Запомните, вы ничего не видели и ничего не слышали. Как только приезжает ваш гид, вы делаете невозмутимые лица и всем своим видом показываете, что вы вообще ничего не знаете. Задача ясна? Я навещу вас при первой же возможности.

Поднявшись с огромным трудом, мы поплелись за Галиной. Неожиданно подул прохладный ветер. Я съежилась и почувствовала, что меня знобит. Я несколько раз оглянулась назад, словно пыталась запомнить место, где мы похоронили стукачку.

– Все сделано в лучшем виде. Я думаю, американка осталась довольна, – похлопала меня по плечу моя новая подруга, ее оптимизм давал хоть какую-то надежду, что самое плохое позади. А впереди... Ладно, не будем гадать, что же у нас впереди.

Добравшись до кровати, я залезла под теплое одеяло и отключилась. Разбудили меня какие-то голоса. В голове моментально пролетели события прошлой ночи. Убийство, избавление от трупа...

Я увидела Льва и сказала:

– Привет.

– Привет.

Лев смотрел на меня подозрительным взглядом и стучал по коленке звонившим мобильным телефоном.

– Ты что на звонок не отвечаешь? – как ни в чем не бывало поинтересовалась я.

– Пока ты тут дрыхнешь, я уже на десять звонков ответил.

– Ты их что, считаешь?

– Кого?

– Звонки. Получается, ты здесь уже давно...

– Давненько.

– Что же ты меня раньше не разбудил?

– А почему ты так долго спишь?

– Ты же сам говорил, что нужно есть побольше фруктов и как можно больше спать. Вот я и выполняю твои указания.

– А я и не знал, что ты у нас такая послушная.

– Так вот теперь будешь знать.

Я спустила ноги на пол, Лев внимательно посмотрел на мое порванное платье, я замерла от страха и густо покраснела.

– Что это у тебя с платьем?

– Упала.

– Упала, говоришь? А с чего это ты падаешь?

– Живот большой, носить тяжело. Равновесие нарушилось.

– Что-то я не замечал, чтобы у тебя равновесие нарушалось.

– А ты и не мог заметить, ты знаешь меня всего пару дней.

– Ты хочешь сказать, что ты и раньше равновесие теряла?

– Теряла, особенно когда живот прямо на глазах расти начал.

– А ты об этом врачу говорила?

– Забыла, но в следующий раз обязательно скажу.

– Сделай милость, – усмехнулся он, задрал мое платье прямо до самого живота и уставился на синяки, ссадины и разбитые колени.

– Это тоже равновесие?!

Поняв, что мне нечего терять, я заголосила что было сил:

– Кто дал тебе право лазить ко мне под платье?! Ты что, врач?! Я, как тебя увидела, сразу поняла, что ты озабоченный тип. У тебя бабы давно не было?! И не стыдно тебе приставать к беременной женщине?! Это же какой грех нужно взять на душу?!

– Дура ты, – пробормотал Лев, позеленев от злости, и вдруг закричал: – Ты мне басни не рассказывай! Не на того напала! Как женщина ты меня не интересуешь. Говори правду, а то не посмотрю, что ты пузатая, удавлю! – Меня трясло как в лихорадке, чувствовала, что сейчас может произойти непоправимое, прошедшая ночь покажется мне просто пустяком.

– Врешь, – тихо сказала я.

– Ты о чем?!

– О том, что я как женщина тебя не интересую. Я видела, как ты на меня в аэропорту смотрел.

Лев тяжело задышал, а его кадык задергался.

– Ты душой прикидываешься или в самом деле думаешь, что я могу на пузатую бабу запасть?! Да я смотрел на тебя, как на товар, точнее, на «упаковку» товара. Не скажешь, что тут произошло, я тебя ей-богу, прибью!

Я легла на кровать, положила руки на живот и жалобно застонала:

– Лева, Левушка, я, по-моему, рожаяю.

– Что?

– Я говорю, у меня схватки начались!

– Ты... это правда, что ли? Тогда нужно в клинику ехать. «Неотложку» вызывать нельзя. Ты должна только у нашего врача рожать. Вроде же еще не время?..

– Я до твоего врача не доеду. Рожу по дороге, похоже, преждевременные роды...

– Тогда врач сам сюда приедет.

– Опоздает. У меня уже скоро ребеночек вылезет.

Лев смотрел на меня растерянным взглядом.

– Что же тогда?

– Как что?! Принимать роды!!!

– Кому? Мне?

– Понятное дело, не мне. Не могу же я одновременно рожать и принимать роды.

– Но я не могу. Я не умею. Ольга, ты меня не разыгрываешь?! Ты же знаешь, я шуток не прощаю.

– Не до шуток сейчас. Сними мне трусики.

– Что?!

– Трусы мне сними, глухая тетеря!

– Зачем?!

Судя по всему, Лев действительно впервые в жизни видел начинающую рожать женщину. Ему легче было провалиться сквозь землю, чем оказать мне хоть какую-то посильную помощь.

– Давай быстрее, а то уже скоро голова появится, не могу же я в трусах рожать!

Последние слова произвели на моего гида впечатление. Вытаращив глаза, он принялся снимать с меня трусы и даже попытался разглядеть, что же творится между моих ног.

– Ольга, а может, лучше врача вызовем?! Может, ты потерпишь?!

– Идиот! Как я могу терпеть, если это от меня не зависит?

Широко расставив ноги, я слегка приподнялась и сделала скорбную гримасу.

– По-моему, уже отошли воды. Ну-ка, проверь.

– Как?

– Сунь палец.

– Куда?

– Во влагалище, куда же еще.

– Зачем?

– Сунь, тебе говорят. – Перепуганный Лев сунул палец мне во влагалище и тут же выдернул его.

Сжав кулаки, я громко застонала и стала кататься из сто-

роны в сторону.

- Мы должны знать, отошли воды или нет.
- Господи, да что ж делать?! – побледнел Лев.
- Узнать, какая среда.
- Как?!
- Попробуй языком.

Расставив ноги пошире, я застонала еще громче и почувствовала горячий и до боли приятный мужской язык, касающийся моего влажного естества. Расплывшись в блаженной улыбке, я притянула голову мужчины поближе и, не помня себя от наслаждения, прошептала томным голосом:

– Левушка, Господи, как хорошо. Только не переставай.

Лев быстро подскочил и взревел, как раненый зверь:

– Вот тварь, наколола! Сука драная! Все придумала!!!

Натянув платье до самых колен, я произнесла невинным голосом:

– Я тут ни при чем. Я думала, это схватки, а оказывается, ошиблась. Я же никогда не рожала. Откуда я могу знать, какие у меня должны быть ощущения. Просто я теперь знаю, какое должно быть обезболивающее лекарство.

Лицо моего гида менялось каждую минуту. Оно то побагровело, то зеленело, а то как-то неестественно белело.

- Ну теперь я тебя действительно убью.
- Не убьешь.
- Почему?
- Потому что тебя в тюрьму посадят.

– Не посадят. Тебя никто не будет искать, ты тут незаконно находишься.

– Я не верю, что ты можешь пойти на такое преступление. У тебя ведь жена при родах умерла.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на разъяренного Льва молящими глазами. Он схватил меня за руку и волоком потащил по коридору в столовую. За столом сидела Дина и вытирала окровавленный нос. Рядом с ней сидел здоровенный браток, весом не меньше ста шестидесяти килограммов.

– Дина, откуда у тебя кровь? – с ужасом воскликнула я.

– От верблюда, – браток посмотрел на меня злобным взглядом. – Давай, присаживайся. У меня и к тебе есть разговор.

Я приготовилась к самому худшему.

– Где ваша домработница? – ударил он кулаком по столу.

– Какая? – спросила я еле слышно.

– Обыкновенная. Ты комедию не ломай, а то шас будешь утираться, как твоя подруга.

– Я ничего не ломаю. Я просто не понимаю, о ком идет речь.

– Речь идет о бабке, которую мы оставили за вами присматривать – кормить, поить, следить за тем, чтобы не нарушали режим и не вредили ни себе, ни здоровью будущих детей.

– А что с ней?

– Пропала.

– А мы-то тут при чем? Мы сидели по своим комнатам и не высовывали носа.

– Надо же! С каких это пор вы такие послушные?

– А мы всегда такими были. Нам нужны ваши деньги, а вам нужны наши дети.

Я украдкой посмотрела на Льва и мысленно молила его только об одном, чтобы он не рассказал о ссадинах и синяках на моем теле. Если он это сделает, мне конец. Лев словно услышал мою мольбу и стоял молча.

Носовой платок Дины промок и стал ярко-багряного цвета.

– Дина, у тебя же кровотечение! Тебе в больницу надо!

– Выживу, – еле слышно пробормотала она и бросила окровавленный платок на пол.

– Жить будет, – подтвердил браток и, взяв мою руку в свою, сжал ее что было силы. Я громко застонала.

– Ты что?! Больно же!!!

– Больно, говоришь?

– Конечно, больно!

– Терпи, потому что будет еще больнее.

Неожиданно Дина с грохотом упала на пол и, взявшись за живот, скорчилась от боли. Я встала на коленки рядом с ней и приподняла ее голову.

– Динка, ты что?! Разве можно так – животом об пол? Ребенку же больно, ей-богу! Ты же ему навредишь!!!

Лев присел на корточки рядом со мной.

– Она тоже прикалывается?! – подозрительно спросил он. – Решила немножко покуражиться?

– Дурак ты! – крикнула я. – Не видишь, человеку плохо?! Ее спасти надо!

Мне показалось, что Дина ничего не видит и не слышит. Но она неожиданно приоткрыла слипшиеся губы и с трудом выдавила, уставившись в потолок:

– По-моему, мне конец. Наверно, не только мне, но и сыну. Я же скрыла от фирмы, что у меня слабое сердце, что мне совершенно нельзя нервничать, я же как лучше хотела – денег заработать. Машеньку с Пашкой к морю вывезти... Мой Пашка до седых волос дожил и ни разу моря не видел... Я ведь все справки подделала... Мне по всем показаниям запрещено рожать.

– Она, по-моему, в натуре сейчас сдохнет! – браток быстро достал мобильный телефон. Пока он вызывал врача, я, как замороженная, смотрела на Динку и приговаривала сквозь слезы:

– Динка, ты давай не выдумывай... ты только держись... Сейчас врач приедет.

– Нет, – простонала Динка и положила руки на грудь. – Знаешь, о чем я жалею больше всего? Жалею, что так и не подарила наследника своему мужу. Ведь где один, там и второй. Хрен с ним, с этим морем. Жили же мы как-то столько лет без него. Господи, Ольга, если бы ты знала, как я своего мужа люблю! Если бы ты знала! А Машеньку... Я ей круг

купила и детские ласты. Думала, что на море ее плавать научу. Ты, Ольга, свою доченьку люби и никому ее не отдавай. Слышишь, не отдавай. Это я сейчас поняла: можно торговать чем угодно, только не детьми. Дети – это святое. Пони-маешь, святое. А все, что святое, не продается. Если бы сейчас повернуть время вспять, я бы никому своего сыночка не отдала. Любого бы задушила, кто к нему хоть пальцем бы прикоснулся.

– Щас врач приедет, – браток сунул в карман мобильный и посмотрел на Льва. – У нас еще таких телок не было. С ними одни проблемы. Если она по всем показаниям рожать не может, кто же ее в нашу фирму направил? Нужно позвонить в Москву и поставить там всех раком. Не хрена нам дерьмовый товар подсовывать! В конце концов, мы за него нормальные бабки платим. Кто нам за неустойку ответит?!

Динка закричала и, взяв мою руку, положила ее себе на живот:

– Послушай! Мой сыночек живой. Он шевелится. Я его всегда любила, всегда. Даже тогда, когда решила продать. Я ведь даже знаю, какой бы он родился. На Пашку похож как две капли воды. Я ведь его во сне видела. Волосы черные, носик картошкой. Он мне сегодня приснился. Оленька, ты еще совсем молоденькая, у тебя здоровье хорошее, ты выносливая. Если ты свою доченьку родишь, никому ее не отдавай. Ни под каким предлогом. Когда эти двое отморозков зашли в мотель, я спала, а когда они в мою комнату зашли, я уже

проснулась и притворилась спящей. В общем, я их разговор подслушала. наших детей никто усыновлять и не собирался. Их в какую-то клинику на органы должны продать. Понимаешь, на органы.

Услышав последнюю фразу, браток ударил Дину в челюсть и злобно произнес:

– Ты, сука драная, заткнись и моли бога, чтобы дождаться врача для себя и своего выродка. Я смотрю, у тебя слух больно хороший, так ты у меня враз оглохнешь!

Но Дина будто не слышала его слов и по-прежнему не убирала мою руку со своего живота.

– Жалко, что Пашки нет рядом. Очень жалко. Он так ждет моего возвращения... Так ждет. Я только теперь поняла, не надо хватать звезд с неба, а надо довольствоваться тем, что есть. Ведь мы в последнее время бедненько жили, зато дружно. Понимаешь, дружно. Машеньке сказку прочитаем, спать ее уложим и сидим на кухне до глубокой ночи, чай пьем. Ведь я, дура, сама себя обманывала. Как можно жить на деньги, которые ты выручила за органы своего ребенка?! Это же хуже смерти! Мы с тобой обреченные. Если мне обратной дороги нет, то пусть я лучше умру вместе со своим сынулкой.

Дина закинула голову, на губах показалась пена. Перепуганный браток вновь достал мобильный и заорал что было сил:

– Петрович, хрен моржовый! Ну ты где?! Тут баба уже

сдыхает! Что значит выехал? Да пока ты доедешь, она сдохнет! Давай нитками шевели!!! Если она сейчас загнется, тебя уволят! Будешь опять на помойках отовариваться! Давай, сволочь, быстрее!!!

Он все кричал и кричал, жестикулируя и раздувая ноздри, но Дина уже ничего не слышала и не издавала ни звука... Она мгновенно пожелтела, глаза были уставлены в потолок. На ее лице застыли горькие слезы и блаженная улыбка одновременно. Улыбка оттого, что где-то там, за тысячи километров, ее ждали двое. Пятилетняя Машенька и поседевший Пашка. Смотрели телевизор, читали книги, завтракали, ужинали и создавали видимость того, что они живы... На самом деле, они не жили... Каждый день, каждый час, каждую секунду они ждали. Ждали возвращения любящей жены и единственной мамочки... Ждала маленькая Машенька, наряжая куклы в детском саду. Ждал Пашка, сидя в своей лаборатории. Он часто подходил к окну, смотрел на людишек, бегающих с грязными рыночными тележками от базара к базару, растерянно пожимал плечами и непонимающе смотрел им вслед. Еще не высохли слезы, и лицо Дины по-прежнему было влажным. Последний раз шевельнувшись, неподвижно замер и ее огромный живот. Наверно, так и нерожденный сыночек последовал примеру своей мамочки, почувствовал, что в данной ситуации лучше всего будет уснуть навсегда.

Глава 7

Я не помню, как из комнаты уносили Дину. Я даже не помню, как меня привезли в какую-то клинику для беседы с психологом. В памяти всплывают лишь какие-то обрывки. Психолог не знал ни единого слова по-русски, нам приходилось общаться через переводчика. Я отвечала на вопросы, значения которых совершенно не понимала, и думала только об одном – о том, что сказала мне Дина перед смертью. Моего ребенка продадут, чтобы использовать как донора для пересадки органов. Я гладила свой огромный живот который мне становилось все тяжелее и тяжелее носить, и чувствовала безграничную любовь и жалость к еще неродившейся доченьке... Я даже пыталась представить, какая она родится и на кого она будет похожа. Динина смерть заставила меня взглянуть на все совершенно другими глазами. Я больше не испытывала ненависти и злобы к своему внезапно исчезнувшему жениху, не вынашивала планов мести. Я вспоминала о нем с благодарностью, потому что он подарил мне маленькое чудо, которое я полюбила больше жизни и которое я никому и никогда не отдам. Я представляла бессонные ночи, которые мне должна подарить моя доченька, и улыбалась блаженной улыбкой. Я буду носить ее на ручках, петь колыбельную и рассказывать сказку, где добро побеждает зло, где живут хорошие люди, ходят друг к другу в гости, пьют чай и создают

только доброе, чистое, вечное.

Я буду кормить ее только грудью, потому что материнское молоко самое полезное, самое необходимое. Поначалу нам будет трудно. Я пополню огромную армию матерей-одиночек, но мы будем вместе и обязательно будем счастливы. Я улыбнулась, в который раз погладила свой живот и подумала, что я назову свою доченьку Диной.

– Почему вы улыбаетесь и гладите свой живот? – спросил меня переводчик. – Врача это очень беспокоит.

– Потому что я люблю свою доченьку, – произнесла я ласковым голосом и вновь улыбнулась.

После пятиминутного совещания мне вежливо показали на входную дверь. За дверью стоял Лев и вертел в руках увесистую связку ключей. Как только мы сели в машину, я вцепилась в своего гида и лихорадочно заговорила:

– Левушка, миленький, я очень тебя прошу, я тебя умоляю, родненький, помоги мне вернуться обратно. Христом богом заклинаю, помоги! Дай мне денег на обратную дорогу. Я как приеду, рожу, немного с ребеночком посижу, а затем устроюсь на работу, начну зарабатывать. Я все тебе до копейки отдам!!!

– Куда ты собралась?! – Лев чуть было не поперхнулся.

– В Россию, Левушка, в Россию. Отправь меня, пожалуйста, домой. Ну, пожалуйста! Я же знаю, ты хороший парень, ты добрый, я тебе по гроб жизни обязана буду!

– Ну совсем дура!

– Левушка, я своего ребеночка никому не отдам. Это мой ребеночек, понимаешь, мой.

– Твой?!

– Мой, – жалобно заскулила я. – Только мой и ничей больше.

– А чем ты раньше думала?!

– То, что не головой, это точно. Это была ошибка, ужасная ошибка, но ведь еще не поздно все исправить. Еще не поздно!

– Поздно. Отцепись от меня. Нам пора ехать.

Я не послушалась и крепко вцепилась в своего гида. Мне казалось, что он единственный, кто мне может помочь, и что он обязательно это сделает, потому что он пережил трагедию, когда потерял свою жену и ребенка.

– Лев, а где Дина?

– Умерла.

– Я знаю. Я не про то. Ее тело на родину отправят?

– Зачем?

– Но ведь там ее муж. Он же захочет ее похоронить.

– А кто ее отправлять будет?! Это же денег стоит.

– Но ведь ему хотя бы сообщить нужно.

– Мы не благотворительная служба. В Москве твоя Дина будет считаться пропавшей без вести.

– Как это пропавшей без вести?!

– Так это.

– А кто ж ее хоронить будет?

– В крематории сожгут.

– А пепел?

– Выкинут. Кому он нужен, этот пепел?!

– Мне.

– Зачем?

– Ты отдай мне пепел и дай ее адрес. Я его ее мужу отвезу.

Ведь это же святое...

– Дети – это тоже святое, а ты своего ребенка еще совсем недавно продать хотела.

– Я же сказала, что мы все совершаем ошибки. Самое главное вовремя их исправить. Дура я была...

– А сейчас умная стала?

– Сейчас поумнела. Лев, отдай мне пепел. Я отвезу его Дининому мужу.

Лев пристально посмотрел на меня и не произнес ни слова.

– Ты что так на меня смотришь?!

– Как?

– Ты на меня посмотрел, как на обреченную. Ты посмотрел на меня так, словно я никогда не вернусь на родину... Скажи правду, какой бы суровой она ни была. Скажи, после того как я рожу ребенка, меня убьют?!

– Вот дура!

– Знаешь, а ведь я все поняла по твоему взгляду. Я же понятливая. Я ведь очень умная. Я только с виду такая дурочка. Только с виду. Я знаю, что меня убьют, а моего ребенка

продадут на органы. Скажи, такова и судьба всех, которые по этим контрактам едут рожать за границу?!

– Заткнись, не носи ерунды!

– Это не ерунда, это голая правда. Ведь вы никакая ни фирма. Ни ты, ни второй браток, ни Ден, ни те люди, которые так вежливо встречали меня в своем офисе. Вы мафия!

– Ох ты как закрутила! Криминальных книжек начиталась?

– Ничего я не начиталась.

Я тихонько всхлипнула:

– Лев, помоги мне спастись. Помоги.

– Подруга, я здесь совсем ни при чем, – раздраженно произнес Лев и закурил. – Я выполняю свою работу, и в зависимости от того, как я ее выполню, мне платят.

– А ты, оказывается, черствый сухарь. Тебе безразлично, что будет со мной и с моим ребенком. Тебе самое главное получить деньги. Чтобы они тебе поперек горла встали! А они встанут, вот увидишь! Грязные деньги не могут принести счастья.

– Еще совсем недавно тебя интересовали такие же денежки и ничего больше.

– Совсем недавно все было совсем по-другому, – тихо сказала я и отвернулась к окну.

Всю остальную дорогу мы ехали молча. Неожиданно для меня самой ко мне вернулась привычка из детства, от которой я избавилась уже много лет назад. Я стала грызть ногти:

это помогало думать. А думала я о том, как выйти из этого дурацкого положения с наименьшими потерями. Перед глазами предстала лежащая на полу Дина и ее огромный живот с еще нерожденным сыном...

Как только мы вернулись в мотель, Лев провел меня в столовую. Там нас ждал Ден. Он был невозмутим, как и в прошлый раз улыбался своей белоснежной улыбкой.

– Здравствуй, Ольга! Ты очень хорошо выглядишь! Настоящая красавица!

Я молча села и тупо уставилась в окно.

– Понимаю, – заговорил Ден. – Ты скорбишь по той русской девушке. Но уже ничего не вернешь. Слабое сердце. Нам искренне жаль. Это так называемые издержки производства.

– Что вы сказали? Издержки производства?

– Совершенно верно. Ольга, у меня к тебе вопрос. Когда ты в последний раз видела свою домработницу?

– Я уже на него отвечала. Я ее видела перед тем, как ложилась спать.

– А ты не замечала в ее поведении чего-нибудь необычного?

– Ее поведение нельзя назвать обычным. Оно ненормальное во всем.

– Так я и думал.

Ден перевел взгляд на Льва и достал большую сигару. В его движениях улавливалась нервозность, которую он

неудачно пытался скрыть.

– Эта старуха никогда не внушала доверия. Она сбежала вместе с деньгами. Ее нужно найти.

Когда Ден ушел, Лев сел напротив меня.

– Старуха сбежала? – спросила я своего гида.

– Сбежала.

– А куда?

– Хрен ее знает. Будем искать. К ней в этот день заехали наши пацаны и отдали долг, который она должна была передать нам на следующий день. Старуха скрылась вместе с этими деньгами.

– А много денег?

– Достаточно для того, чтобы сбежать. Она бы здесь столько не заработала.

– И все же, сколько?

– Зачем тебе?

– Просто мне интересно, сколько должно быть денег, чтобы пойти на такой риск?

– Двадцатка штук.

– Двадцать тысяч долларов?!

– Двадцать тысяч долларов. Старая сука! Я как чувствовал. Не хотел, чтобы ей завозили эти деньги. Вообще-то она у нас уже давно работает, и за ней раньше ничего особого не замечали. Но раньше ей и не завозили такие суммы.

– А вы в ее комнате искали?

– Да мы там уже все перерыли.

– И что?

– Ничего. Пусто.

– Куда ж она их дела?

– С собой прихватила. Видела, у нее бюст какой? Наверно, в лифак засунула и сквазанула.

Я почувствовала, как на моем лбу выступила холодная испарина.

– Ты что? – спросил Лев.

– Просто голова закружилась, – отмахнулась я.

– Ты, наверное, жрать хочешь.

В столовую вошла пожилая женщина, которая напоминала стукачку и, по всей вероятности, была новой домработницей.

– Это замена, – слова Льва только подтвердили мою догадку.

После обеда Лев уехал, а я пошла в свою комнату. Встав у окна, я смотрела, как он садится в машину и отъезжает от отеля. Когда машина скрылась из вида, я включила телевизор и тупо уставилась на экран. Услышав, как шевелится моя девочка, я положила руки на живот, погладила его своей теплой, немного вспотевшей ладонью и прошептала:

– Здравствуй, моя родная, здравствуй. Ты должна простить свою мамочку. Я очень сильно тебя люблю. Ты даже не можешь себе представить, как же сильно. Я еще никогда в жизни так никого не любила. Лежи смирно и постарайся больно меня не пинать. Я что-нибудь придумаю, и мы обя-

зательно найдем выход из этой жуткой ситуации.

Я ни минуты не сомневалась, что моя доченька слышит и понимает мои слова. Она затихла, по всей вероятности, заснула. Перед глазами предстала мертвая стукачка с огромной, выпяченной грудью, словно в каждую чашечку безразмерного лифчика было положено по самому настоящему арбузу. Сумма в двадцать тысяч долларов никак не давала покоя и путала все мои мысли. Эти деньги могли бы мне очень помочь, я смогла бы вернуться на родину.

Деньги, проклятые деньги. Без них никуда. Все, буквально все построено на деньгах. Я потеряла виски, напряглась, пытаюсь вспомнить место, где мы похоронили стукачку. Это оказалось довольно сложно. Словно и не было этой ночи, или она была придуманной, нереальной. Кромешная темнота, густой лес, какие-то бугры, канавы... И все же... Если сильно постараться, можно и найти. Если постараться... А я старательная! Ох, какая же я старательная. Теперь мне нужно стараться за двоих. За себя и за своего ребенка. Там была здоровенная ель. Это я хорошо запомнила. Рядом с елью должен быть свежий бугорок, вернее бугор, потому что под бугорком стукачку явно не удалось бы упрятать.

Подумав о том, что мне придется выкопать труп и обыскивать его, почувствовала, как учащенно забилося мое сердце, и сделала глубокий вдох.

– Диночка, девочка моя, – сказала я, снова положив руки на живот, – слушай меня внимательно. Мы попали в беду.

Мы в опасности. Мы должны выдержать новое испытание. Если мы его выдержим, обязательно вернемся на родину. И не просто вернемся, а вернемся с деньгами. Ты должна мне помочь и слушаться свою мамочку. А для этого не пинай меня, пожалуйста, в мой животик. Мне придется нести тяжелую лопату, а затем очень долго копать. Я, конечно, понимаю, что это доставит тебе неудобства, но от этого никуда не денешься. Нам обоим придется потерпеть и изрядно помучиться, потому что мы должны выжить. Если станет ясно, что нам отсюда не выбраться и мне придется рожать только для того, чтобы отдать тебя этим торговцам детскими органами, я сделаю так, что мы умрем вместе.

Пройдя несколько кругов по комнате, я немного успокоилась и вышла в коридор. Очутившись на крыльце, я нос к носу столкнулась с сидевшей на стуле новой стукачкой и облегченно вздохнула. Прямо за стулом, на крашеной деревянной стене висела лопата, а это означало, что у меня есть надежда на удачный исход предстоящей операции. Новая стукачка ничем не отличалась от старой. Даже манерой поведения. Сдвинув брови, она тяжело задышала и махнула рукой в сторону коридора.

– Надо вернуться. Улица нельзя. Нельзя, чтобы видел сосед. Может заявит полиция. Это плохо. Будет ругаться фирма. Есть кондиционер. Он свежий воздух. Русская девушка должна дышать комната.

– Извините, – глухо пробормотала я и вернулась обратно.

Время шло так медленно, словно оно вот-вот совсем остановится. Когда наконец стемнело, часы показывали всего одиннадцать, я поняла, что еще слишком рано, села на подоконник и принялась еще ждать.

Двадцать тысяч долларов... Сейчас это цена моего освобождения. За это стоит попачкаться. К тому же мне уже нечего терять. Все давно потеряно. Впереди темнота. Черная, крошечная мгла, смогу ли я пройти через нее – зависит только от меня самой.

Неожиданно я подумала о том, как все-таки здорово быть маленькой! Здорово, когда тебя любят не за что-то, а за то, что ты есть. Бог мой, как же сейчас мне не хватает маминой любви, ласки и заботы. Мне вспомнились Динины слова о том, что они со своим мужем жили бедненько, но дружно. Наверно, так же, как и я со своей мамой, но мы никогда никому не завидовали, всегда довольствовались тем, что есть. Как мне сейчас хотелось, чтобы жизнь моей доченьки сложилась благополучнее.

Мне вспомнился городской парк, в котором я прогуливалась вместе с отцом своего будущего ребенка. Я призналась ему, что беременна, и смотрела на него глазами, полными надежды. Идиотка. Господи, какая же я была идиотка! Наивная, доверчивая дура, поверившая первому встречному. Мой женишок побледнел, жутко разозлился и затряс у меня перед лицом руками. Я оторопела, но все же предложила жить вместе. Услышав отказ, я разразилась рыданиями и по-

вторяла только один и тот же вопрос: «Господи, у тебя кто-то есть? Скажи, пожалуйста, кто у тебя есть? Кто она?» – «Не твое дело», – был ответ, прозвучавший как страшный приговор, поставивший жирную точку в наших отношениях. Посмотрев на раздраженного молодого человека, я почувствовала, как мной овладело холодное спокойствие. Спокойствие спокойствием, но все же я не смогла удержаться и ударила своего благоверного напоследок. Залепив просто шикарную пощечину, я умудрилась сдержать слезы, расплыться в улыбке и произнести вполне уверенным голосом: «Я хочу, чтобы ты знал, что это не ты от меня уходишь, а я от тебя уйду. Это я тебя бросаю, и мне очень хочется, чтобы ты это учел. Ты всегда был отменным подлецом, им и останешься». «Ну и катись», – донеслось мне вслед. И я «покатилась», тихонько всхлипывая, не обращая внимания на прохожих, тревожно поглядывающих в мою сторону. Это была наша последняя встреча. Вскоре он куда-то исчез из поселка. Часы пробили полночь, пора приниматься за дело, я на цыпочках выскользнула в коридор и остановилась рядом с комнатой, принадлежащей стукачке. Из-за двери раздавался громкий протяжный храп, который свидетельствовал о том, что женщина заснула крепким сном. Немного постояв, я направилась к входной двери и отодвинула большую щеколду. Ночной прохладный воздух прибавил моментально мне сил. Я сняла со стены довольно тяжелую лопату и пошла в направлении леса. У первого же дерева я остановилась и прислонилась к ство-

лу, попыталась отдышаться. Как я буду копать, оставалось только догадываться. Только бы все обошлось, только бы от переутомления не начались преждевременные схватки. Беременная женщина, которая не сегодня-завтра должна родиться, копающая сырую землю, – это что-то феноменальное, просто из области фантастики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.